

Изъ дневника Опочихина.

Октябрь.—1830 г.

Воскресенье 5/17 окт. Варшава.

Въ настоящее тревожное время, когда политическія событія перво-степенной важности быстро слѣдуютъ одно за другимъ, у меня, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка въ интересномъ матеріалѣ для моего дневника. Если въ этой книгѣ сохранится хотя одна благотворная мысль, то я сочту трудъ мой вознагражденнымъ.

Нѣкто Яницевскій, вышедшій въ отставку въ 1815 г., работалъ на табачной фабрикѣ Ровацкаго, получая за свой трудъ по 2 флорина въ день. Не имѣя другихъ средствъ къ существованію, онъ рѣшился наконецъ бросить этотъ непроизводительный трудъ и поступилъ въ труппу странствующихъ музыкантовъ, игравшихъ по кофейнямъ. Когда же по случаю кончины Е. И. В. во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ было воспрещено играть музыкѣ, то человѣкъ этотъ, чтобы не умереть съ голода, отправился къ г. Войда, городскому головѣ г. Варшавы, просить мѣста въ муниципалитетѣ. Послѣдній отказалъ ему разъ, другой, а въ десятое его посѣщеніе, говорятъ, велѣлъ выгнать его изъ дому. Недѣли двѣ тому назадъ Яницевскій встрѣтилъ г. Войда близъ арсенала и снова обратился къ нему со своею просьбою. Городской голова отвѣчалъ ему по-прежнему отказомъ, пославъ его въ добавокъ къ черту; тогда отставной военный не вытерпѣлъ и за эти дерзкія слова нанесъ головѣ три удара. Его внушительная расправа на этомъ бы не кончилась, если бы въ дѣло не вмѣшался проходившій мимо артиллерійскій полковникъ **** и два польскихъ гренадера; они схватили расхажившаго Яницевскаго и отправили его въ тюрьму подъ конвоемъ, взятымъ изъ арсенала, гдѣ въ то время стоялъ въ караулѣ г. Абрамовичъ съ Литовскимъ

полкомъ. Вслѣдъ за донесеніемъ г. Абрамовича каменданту объ этомъ приключеніи узналъ и его высочество; онъ тотчасъ послалъ своего дежурнаго адъютанта Трембицкаго освѣдомиться объ состояніи здоровья г. Войда, которому между тѣмъ пустили кровь. Виновный въ нанесеніи ударовъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ и къ денежному штрафу въ 40 флориновъ.

Г. Войда не любилъ въ городѣ; между поляками составила подписка, доставившая обвиненному 6.000 флориновъ.

Нѣсколько дней спустя къ разносчику, продававшему на улицѣ трости, подходитъ неизвѣстный человѣкъ и спрашиваетъ его, что онѣ стоятъ и какъ называются.

— Онѣ не имѣютъ особаго названія, отвѣчаетъ торговецъ.— Какъ не имѣютъ?—возразилъ покупатель, это войданки; вотъ тебѣ рубль, продавай ихъ подъ этимъ названіемъ.

Глупецъ послушалъ этого совѣта, а полиція выместила его на спинѣ торгоша.

Многіе утверждали, что возмущеніе въ Варшавѣ вещь невозможная. Но въ послѣднее время убѣжденіе это повидимому поколебалось; обстоятельства показали, что даже самыя прочно установившіяся государства не обезпечены отъ тревоженій. Правительство въ послѣднее время принимаетъ мѣры предосторожности противъ всякой попытки къ возмущенію, все это дѣлается самымъ секретнымъ образомъ; и мы могли замѣтить эти приготовленія только по болѣе частому появленію вице-президента Любавицкаго въ Бельведерскомъ дворцѣ, по совѣщаніямъ Е. И. В. съ Курутой и Жандромъ, по удвоенному надзору нашихъ ближайшихъ начальниковъ за гвардіей и по новымъ паролямъ, розданнымъ часовымъ. Наши ежедневные приказы и тѣ отличаются странной таинственностью; намъ даютъ почувствовать, что приказы эти имѣютъ особенное значеніе, но не разъясняютъ ихъ вполнѣ.

Вотъ какіе слухи носятъ объ замыслахъ партіи недовольныхъ. Говорятъ, что на-дняхъ, въ казармѣ 4-го линейнаго полка найдена прокламація, писанная женскимъ почеркомъ, въ которой этотъ полкъ подстрекается къ возмущенію. Подобныя прокламаціи находятъ каждый день на всѣхъ углахъ, но куда дѣло этимъ ограничивается. Во всемъ этомъ обвиняютъ студентовъ; говорятъ, будто они хотятъ побудить народъ къ возстанію, воспользовавшись для этого всеобщю дороговизною, которая возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Перваго ноября, по новому стилю, цѣны на мясо должны подняться, и они хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поднять народъ, начавъ съ сожженія нашихъ мостовъ, чтобы запелить насъ въ казармахъ. Говорятъ, будто особенная опасность угро-

жаеть Мостовскому и Наваховичу; послѣдній уѣхалъ вчера въ Петербургъ, сказавъ, что жена его при смерти больна.

Говорятъ, что въ настоящее время приняты слѣдующія мѣры предосторожности. Всѣ ружья, находящіеся въ Варшавскомъ арсеналѣ, разобраны по частямъ; Волинскій полкъ, стоящій въ отдѣльных казармахъ, получилъ приказъ быть готовымъ въ случаѣ тревоги; генералъ Исаковъ произвелъ даже на-дняхъ фальшивую тревогу, и солдаты въ 8 минутъ были уже въ полной походной амуниціи.

Уланскій и нашъ полкъ также получили по этому случаю новыя распоряженія. Въ казармахъ Волынскаго полка поставлены 4 пушки, всякая съ двумя запасными зарядными ящиками.

Относительно карауловъ увеличена строгость; генералы свиты его высочества получили приказаніе осматривать караулы по ночамъ, что его высочество разъ или два дѣлалъ лично. Въ нашемъ полку, приказомъ капитану *** удвоены часовые у всѣхъ мостовъ для наблюденія за толпами, шумомъ и пожаромъ.

Въ предмѣстьи (au Schouler) у дверей каждаго кабака поставлены часовые, обязанные не впускать туда солдатъ. Словомъ, полиція отличается необыкновенною дѣятельностью, и однако до сихъ поръ не найдено виновныхъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Часовымъ роздано по десяти боевыхъ патроновъ каждому.

При первомъ представленіи „Маріанны“ Вольтера эта трагедія подала поводъ къ двумъ насмѣшкамъ, произнесеннымъ на нее какимъ-то человѣкомъ въ партерѣ, и вслѣдствіе которыхъ она чуть было не сошла со сцены. Это было во время праздника трехъ королей; и вотъ въ ту минуту, какъ Маріанна беретъ чашу съ ядомъ, какой-то шутникъ закричалъ: *la reine boit* (королева пьетъ) — всѣ въ партерѣ разразились смѣхомъ. Актеръ, исполнявшій роль Варюса, былъ очень дурень собою; его наперсникъ говоритъ ему: „Вы смущаетесь, вы мѣняетесь въ лицѣ“. „Пускай себѣ мѣняется“, раздается снова въ партерѣ. Общій смѣхъ.

Вставъ въ 5 часовъ, я отправился въ казармы, такъ какъ былъ назначенъ командовать церковнымъ парадомъ, но онъ былъ отмененъ; я отстоялъ обѣдню. У обѣдни я былъ съ матерью; изъ церкви заѣхалъ къ Бутурлину, затѣмъ къ Сергѣю; онъ сегодня дежурный по полку. Обѣдалъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, гдѣ дежурнымъ сегодня Грессеръ, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали „Le Para“, комедію въ одномъ актѣ, „Frachka“, комедію въ одномъ актѣ, и „Wuziaszeks Ukrainy“, водевилъ, переведенный съ французскаго („Дядя изъ Америки“). Изъ театра возвратился прямо къ себѣ, читалъ и писалъ до полуночи.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Понедѣльникъ 6/18 октября. Варшава.

Г. Кулебакинъ, гусарскій офицеръ, весьма некрасивый собой, горбатый и совершенно изуродованный, отправился въ университетъ послушать рѣчь г. Оссиескаго. Когда онъ входилъ, въ классъ поднялся шумъ, слышались дерзкія восклицанія, и одинъ изъ студентовъ, проходя мимо него, нахально осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Не теряя присутствія духа, офицеръ отвелъ юношу въ сторону и спросилъ его фамилію и адресъ. — На что вамъ? — Чтобы потребовать объясненія по поводу того, какъ вы посмотрѣли на меня. — Но это моя обычная манера. — Въ такомъ случаѣ остается только пожалѣть васъ. На эти слова молодой человѣкъ сказалъ свою фамилію и сталъ извиняться, но его товарищи начали кричать, называя Кулебакина *москалемъ*. Въ это время вошелъ полицейскій и спросилъ офицера, кто его оскорбилъ. — „Никто“, отвѣчалъ гусаръ и, обратившись къ студентамъ, прибавилъ: „Вотъ, господа, какъ метить русскій офицеръ. Я воспитывался такъ же, какъ и вы, въ общественномъ заведеніи¹⁾, но никогда не позволялъ себѣ оскорбить иностранца, да и товарищи не дозволили бы мнѣ этого.

Я всталъ въ 7 часовъ и поѣхалъ верхомъ въ казармы. Въ 10 часовъ взводное ученіе верхомъ на уздечкахъ. Я жалуюсь капитану Килу на Голицына, который былъ выпивши. Онъ простилъ его. Возвратившись домой въ 12 ч., я болѣе нигде не выходилъ. Вечеромъ былъ у Левицкихъ. Легъ спать въ четверть перваго.

Да сохранить меня Господь.

Вторникъ 7/19. Варшава.

Судя по городскимъ слухамъ, вчера должно было вспыхнуть возстаніе, такъ какъ это былъ день раздачи жалованья рабочимъ и при томъ понедѣльникъ. Трудно сказать, до чего подобные справедливые или ложные слухи волнуютъ умы и сколько людей не спало всю ночь, ожидая возстанія.

Рунъ, юноша вообще довольно разсудительный, пресерьезно увѣрялъ меня, что всѣ эти слухи достовѣрны, и самъ до того былъ въ нихъ убѣжденъ, что созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ товарищей, которые у него ночевали; между ними былъ маленькій Свитчинъ, капитанъ, состоящій при штабѣ Красинскаго. Этотъ маленькій человѣчекъ, между прочимъ крайне безобразный, живетъ съ своимъ братомъ въ домѣ Красинскаго, и такъ какъ владѣлецъ этого дома ненавидимъ партіей недовольныхъ, то онъ побоялся провести эту ночь подъ одной крышей съ нимъ. Я имѣлъ случай убѣдиться, до

¹⁾ Въ лицѣ.

какой степени человекъ, занятый одной мыслью, находить съ нею связь въ самыхъ обыкновенныхъ и ничтожныхъ фактахъ и толкуеть ихъ по-своему. Рунъ слышалъ въ первомъ часу ночи звукъ почтовой трубы, что въ Варшавѣ вовсе не составляетъ рѣдкости, и теперь вы ничѣмъ въ мірѣ не убѣдите его, что это не былъ сигналъ къ возстанію.

Наши генералы также ужасные трусы; они бредятъ революціей; Маковъ говорить, что никакія мѣры предосторожности не лишни; Жандръ и Курнатовскій то и дѣло объѣзжаютъ по ночамъ казармы; не далѣе какъ вчера они явились въ 1 часть ночи; добрякъ комендантъ Левицкій объѣзжалъ сегодня ночью караулы съ конвоемъ изъ двухъ казаковъ вмѣсто одного. Одинъ только Кнорингъ такъ же спокоенъ и хладнокровенъ, какъ обыкновенно, и прекрасно дѣлаетъ.

Парадъ. Нашъ эскадронъ въ караулѣ. Посѣщеніе Овсянникова. Разговоръ съ Розеномъ. Въ 11 часовъ я навѣстилъ больного Безобразова; онъ спалъ. Я отправился въ баню. Гѣте дорого заплатилъ въ Женевѣ за удовольствіе взглянуть на прекрасную ж... въ природномъ костюмѣ; я же имѣлъ это удовольствіе бесплатно въ банѣ, благодаря маленькой щелочкѣ въ дверяхъ, сквозь которую я вдоволь налюбовался на хорошенькую, молоденькую женщину *in puris naturalibus*. Прелестное зрѣлище!!! Обѣдалъ дома. Вечеромъ былъ у Безобразова - не видалъ его; уединенная прогулка въ Саксонскомъ саду. Былъ у Левицкихъ. Юлія простила меня; она была причесана à la Niobé и очень хорошенькая. Игралъ въ мушку съ Озеровыми, полковникомъ Парадовскимъ и М-ме Левицкой; выигралъ 5 фл. 15 гр.: легъ спать въ половинѣ перваго.

Да сохранить меня Господь.

Среда 8/20. Варшава. Въ казармахъ.

Вчера въ полдень генералъ неожиданно отдалъ приказъ всѣмъ эскадронамъ, за исключеніемъ нашего, занимавшаго караулъ, осѣдлать лошадей и выступить. Въ 14 минутъ всѣ эскадроны были готовы къ бою, сѣдла безъ выюковъ, иные въ рейтузахъ, колетахъ, кирасахъ, каскахъ и при калошахъ. Одинъ солдатъ 2-го эскадрона былъ готовъ въ 6 минутъ. Затѣмъ эскадроны съ однимъ унтеръ-офицеромъ во главѣ прошли мимо генерала церемоніальнымъ маршемъ.

Я былъ дежурнымъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ, кап. Кноррингомъ и корнетами: Гриберомъ и Луба. По утру былъ его высочество и генералъ; вечеромъ мы играли до 2 часовъ утра въ горку, я выигралъ 22 злота. Дежурство очень строгое; всѣ при сабляхъ. 3 ч. ночи ходили съ ротмистромъ по конюшнямъ..

Да сохранить меня Господь.

Пятница 10/22. Варшава.

Холера, пришедшая къ намъ изъ Персіи, опустошила въ прошломъ году наши юго-восточныя провинціи. Въ этомъ году она свирѣпствовала въ Астрахани и Оренбургѣ, проникла въ Пензенскую, Владимірскую, Саратовскую губерніи и приближается теперь къ Москвѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ императоръ послалъ на мѣсто бѣдствія министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго съ 40 врачами. Онъ учредилъ комитетъ общественнаго здравія и предлагаетъ премію въ 25.000 руб. тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе объ этой болѣзни. Надобно замѣтить, что къ конкурсу не допущены французскіе медики.

Получивъ 29 сентября извѣстіе, что холера появилась въ Москвѣ, Закревскій немедленно отправился туда. Въ Ижорѣ устроенъ карантинъ, баркамъ запрещено спускаться по Невѣ; крестьянамъ, прїѣзжающимъ въ столицу, приказано привозить съ собою какъ можно больше можжевельника; аптеки снабжены всѣми лѣкарствами, употребляемыми въ этой болѣзни; въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи двора былъ отслуженъ молебенъ и читали молитву, сочиненную по этому случаю Филаретомъ. Въ церквахъ молятся о прекращеніи эпидеміи, а въ газетахъ и на улицахъ опубликованы слѣдующія правила:

Главные симптомы этой болѣзни: сильная головная боль, безпрестанная рвота, сопровождаемая кровавымъ поносомъ, наконецъ, конвульсія или спазмы въ икрахъ. Чтобы предохранить себя отъ этой болѣзни, жители должны точно соблюдать нижеслѣдующія мѣры предосторожности:

1. Какъ можно болѣе остерегаться простуды; въ дурную погоду, какая господствуетъ въ настоящее время, одѣваться какъ можно теплѣе, перемѣнять сырое платье и стараться не промочить ногъ.

2. Не спать ни днемъ, ни ночью на воздухѣ, и въ особенности на сырой землѣ.

3. Не обременять желудка неудобоваримой пищею; согласно съ этимъ строго воспрещается ѣсть яблоки, сливы, дыни, сырую рѣпу, грибы и пр.

4. Какъ можно менѣе употреблять крѣпкіе напитки и горячія кушанья, въ особенности не ѣсть луку.

5. Соблюдать чистоту тѣла, чаще мѣнять бѣлье и заботиться о чистотѣ не только жилыхъ покоевъ, но также дворовъ и улицъ.

6. Очищать воздухъ въ комнатахъ; въ хорошую погоду открывать окна, а въ дурную протапливать печи и курить уксусомъ и можжевельникомъ.

7. Не выходить по утру натошакъ и не утомляться до изнеможенія.

8. Лишь только въ домѣ у кого-нибудь обнаружатся вышеупомянутые симптомы, тотчасъ же донести объ этомъ комитету здравія.

9. Перенести больного въ отдѣльную комнату, которую слѣдуетъ часто обкуривать; для большей предосторожности мыть руки уксу-сомъ каждый разъ, какъ дотронешься до больного или до его одежды.

10. Въ случаѣ смерти больного, бѣлье, которое онъ употреблялъ, слѣдуетъ перемывать и провѣтривать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе четырехъ дней, точно такъ же, какъ и его постель; тѣло должно быть предано погребенію не позже, какъ по прошествіи 24 часовъ отъ кончины.

11. Если врачъ потребуетъ отправить больного въ госпиталь, то за лѣченіе его и медикаменты не будетъ взиматься никакой платы.

Въ Грузіи и на Кавказѣ, гдѣ болѣзнь эта можетъ быть названа мѣстной, всѣ до того убѣждены, что она коренится въ воздухѣ, что запрещено даже организовать кордоны. Въ Тифлисѣ жители имѣютъ обыкновеніе уѣзжать въ горы; въ этомъ году подобная мѣра ни къ чему не привела. На Кавказѣ пробовали очищать воздухъ, стрѣляя изъ пушекъ, но безуспѣшно. Первый человѣкъ, кому пришло на мысль организовать кордонъ, былъ гетманъ донскихъ казаковъ—личность, какъ видно, не особенно авторитетная въ научномъ отношеніи.

Болѣзнь эта появилась, кажется, первоначально на Зондскихъ островахъ, откуда перешла въ Индію и распространилась по всей Азіи. Когда она появилась въ Россіи, то наше правительство сдѣлало официальный запросъ Англіи по поводу этой язвы, которую англійскимъ докторамъ часто представлялся случай изучать въ Индіи, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, оно сообщило его всѣмъ военнымъ врачамъ южныхъ губерній. Итакъ, до сихъ поръ примѣняется, и надобно замѣтить, почти безуспѣшно, одна только англійская система лѣченія. Это методъ въ высшей степени противувоспалительный, состоящій въ частомъ кровопусканіи и назначеніи слабительнаго. Также пробовали давать сильные пріемы опиума. На Дону нынѣшній годъ съ успѣхомъ употребляли полынь.

Судя по извѣстіямъ изъ Москвы, холера тамъ довольно слаба. До сихъ поръ насчитываютъ не болѣе 17 жертвъ. Городъ раздѣленъ на участки, подчиненные вѣдѣнію сенаторовъ.

Cholera Morbus очень острая болѣзнь желудка и кишекъ, при которой съ сильными потугами и рвотой отдѣляется желчная, ѣдкая и кислая мокрота желтаго, зеленаго и черноватаго цвѣта; рвота сопровождается колотьями въ животѣ, тошнотою, слабостью, нервнымъ, учащеннымъ пульсомъ, холоднымъ потомъ, выступающимъ на лбу и оконечностяхъ, сильной жаждой и нерѣдко конвульсіями и другими опасными симптомами, которые нерѣдко причиняють смерть въ 24 часа.

Чума, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1777 году, была занесена туда въ турецкомъ платкѣ, денщикомъ одного генерала, возвратившимся изъ Турціи. Отъ заразы умеръ его хозяинъ и весь домъ, но болѣзнь удалось задержать, предавъ сожженію все ихъ имущество. Къ несчастію, какой-то ямщикъ изъ слободы Ямской подобралъ постромки, лежавшія около этого дома, и занесъ вмѣстѣ съ ними чуму въ свой кварталъ, откуда она распространилась по всей Москвѣ.

Вставъ въ 7^{1/2} ч., я отправился въ казармы. Конное ученіе по-взводно на уздечкахъ; у меня во взводѣ десять рядовъ. Послѣ былъ дома, писалъ кое-что, мало читалъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ, гдѣ видѣлъ Ивана Михайловича Флавицкаго, который недавно пріѣхалъ съ кавказскихъ водъ. У него засталъ доктора Волоסקаго.

Да сохранить меня Господь.

Суббота 11/23. Варшава.

Говорятъ, будто сегодня положено перебить насъ, и что это должно было совершиться еще въ прошлый понедѣльникъ, но отложено до сегодняшняго дня, такъ какъ не все еще было подготовлено. Вѣроятно, завтра мы услышимъ, что экзекуція снова отложена до понедѣльника; въ понедѣльникъ—до 1 ноября и такъ далѣе до тѣхъ поръ, покуда найдутся легковѣрные люди, довѣряющіе всякимъ слухамъ на слово.

Что касается меня, то вотъ мое мнѣніе обо всѣхъ этихъ слухахъ. Генералъ Рожнецкій получаетъ ежегодно на содержаніе тайной полиціи около 400.000 рублей. Эта, столь дорого стоящая полиція накрывала до сихъ поръ, вмѣсто заговорщиковъ, офицеровъ, прогуливавшихся разстегнутыми, не по формѣ одѣтыми и т. д. Эти важныя открытія ни чуть не помѣшали заговору 1826 г. созрѣть подъ носомъ его превосходительства г. Рожнецкаго. Разумѣется,

это поколебало его кредитъ, а для того, чтобы его возстановить и удержать вмѣстѣ съ тѣмъ и 400.000 руб., которые легко могли ускользнуть изъ его рукъ, онъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался, вѣроятно, теперешнимъ смутнымъ временемъ, ропотомъ нѣкоторыхъ недовольныхъ и незначительными студенческими волненіями, чтобы напугать Его Высочество. Изъ мухи сдѣлали слона; какъ знать, быть можетъ, и самая муха создана его фантазіей; это было бы верхъ совершенства! Я не вѣрю и $\frac{7}{8}$ всѣхъ тревожныхъ слуховъ, распускаемыхъ въ городѣ, и допускаю одно, что есть недовольные, которые были бы рады пошумѣть; число этихъ недовольныхъ быть можетъ значительнѣе, нежели думаютъ, но русскіе штыки держать ихъ въ повиновеніи, и они ничего не предпримутъ ни сегодня, ни въ понедѣльникъ, ни 1-го ноября и никогда.

У меня былъ поутру несчастный Гельвигъ; онъ сообщилъ мнѣ со слезами, что его мать умерла въ Дрезденѣ. Это прекрасный молодой человѣкъ, но слишкомъ мягкій и неопытный, чтобы быть гувернеромъ 16-лѣтняго юноши, и въ особенности Николая Левицкаго. Онъ окончилъ курсъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и кажется, на богословскомъ факультетѣ. Это истый нѣмецъ, сентиментальный, анализирующій каждое чувство, наивный, какъ дѣвушка, дѣвственный въ 24 года и въ то же время въ дѣлѣ религіи проникнутый самыми либеральными идеями. Онъ говорилъ мнѣ, на примѣръ, что не вѣруетъ въ Св. Троицу, потому что это непонятно. Онъ уѣзжаетъ къ отцу своему въ Дрезденъ, чему я не радъ, такъ какъ подъ его вліяніемъ я полюбилъ нѣмецкую литературу, и онъ снабжалъ меня лучшими нѣмецкими классиками.

Поутру парадъ; нашъ эскадронъ въ караулѣ: Его Высочество замѣтилъ, что дурно обмундированъ. Въ 11 часовъ была репетиція церковнаго парада на завтрашній день. Я поѣхалъ на нее верхомъ, а возвратился вмѣстѣ съ капитаномъ Килемъ. Посѣщеніе Гельвига и Озеровыхъ. Обѣдъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда, написавъ письмо, отправился къ Озерову, гдѣ засталъ Овандера, Шульгина и хорошенькую Г... отъ Яворскихъ. Играли въ вистъ.

Да сохранить меня Господь.

Понедѣльникъ 13/25. Варшава.

Вчера вечеромъ въ театрѣ смѣси (Rosmaitosci) Шульгинъ занималъ кресло перваго ряда возлѣ графа Солтыкова; передъ ними всталъ родственникъ генерала Пенхержевскаго. Графъ Солтыковъ неоднократно замѣчалъ ему, что онъ мѣшаетъ имъ видѣть, наконецъ, всталъ и пожаловался дежурному офицеру. Тогда Жандръ, Штапельбергъ и капитанъ Карскій замѣтили Шульгину, что если бы подобная сволочь наступила бы имъ на ногу, то они заставили бы полицію принять должныя мѣры. Шульгинъ, по его словамъ, ничего не отвѣчалъ; однако ему пришлось за все полатиться. По выходѣ изъ театра, его окружили пятеро или шестеро статскихъ, прижали его къ стѣнѣ и говорили, показывая ему кулакъ: „Мы люди свободные, и никакая полиція ничего съ нами не можетъ сдѣлать. Ты москаль, а мы поляки!“ Штапельбергъ 2-й и маленькій Жандръ хотѣли выручить его, но въ свою очередь были окружены, стиснуты, и такъ какъ все это происходило въ узкомъ корридорѣ при входѣ, то произошла давка. Женщины подняли крикъ; среди всеобщей суматохи дежурному плацъ-адъютанту съ трудомъ удалось вызвать статскихъ и Шульгина въ сосѣдную комнату. Когда толпа разошлась, эти господа отнесли съ жалобой къ Любовицкому и генералу Штрандманну. Поутру Шульгинъ отправился къ корпусному командиру, графу Красинскому, который оправдалъ его, но сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „жаль, что вы не обратились прямо ко мнѣ, вице-президентъ покровительствуетъ гражданскимъ и обвинить васъ въ своемъ докладѣ Его Высочеству“. Дѣйствительно, не знаю, какъ было объ этомъ донесено Его Высочеству, но онъ сказалъ: „такъ какъ Шульгинъ не умѣетъ держать себя въ театрѣ, то пусть и не ходитъ туда“, и подвергъ его домашнему аресту. Особенно смѣшно было видѣть, съ какими вытянутыми лицами явились сегодня генералы на смотръ. Любавицкій также былъ весьма мраченъ. Они приписываютъ этому дѣлу политическое значеніе. Въ настоящее время нельзя поздороваться или проститься съ кѣмъ-нибудь, чтобы въ вашей манерѣ не заподозрили какого-нибудь политическаго оттѣнка.

Я слышалъ такъ объ этомъ событіи отъ самого Шульгина и его партіи. Вотъ что говорятъ его противники. Они утверждаютъ, во-первыхъ, что господа офицеры были немного навеселѣ. Денщикъ Шульгина приходилъ къ нему въ началѣ спектакля съ извѣстіемъ, что въ городѣ волненіе. Шульгинъ, живой отъ природы, сообщилъ это извѣстіе довольно громко, такъ что слухъ о немъ

пронесся по залѣ, и всѣ бывшіе тутъ кавалеристы оставили театръ. Многіе изъ моихъ товарищей были такъ встревожены, что поспѣшили надѣть мундиръ и верхомъ отправились въ полкъ. Возвратившись въ театръ, маленькій Жандръ не кстати вмѣшался въ споръ графа Солтыкова съ *Кубдарскимъ* и Шульгинымъ съ компаніей; обозвали его с . . . Люди болѣе благоразумные удалились, а Шульгинъ къ несчастію первый попался подъ руку и одинъ только поплатился за все домашнимъ арестомъ. Всѣ, однако, того мнѣнія, что полиція не исполнила своей обязанности. Гражданскія лица, замѣченныя въ этомъ дѣлѣ, также арестованы.

Комендантъ Левицкій получилъ сегодня отъ его высочества головомойку за то, что въ своемъ рапортѣ по утру донесъ о пожарѣ въ деревнѣ Случево, между тѣмъ какъ горѣло N¹), мѣстечко, принадлежащее Потоцкимъ, за Виллановымъ. При этомъ погибло много рогатаго скота, между прочимъ 400 барановъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, неизвѣстно какимъ путемъ, Его Высочество часто получаетъ анонимныя письма. На-дняхъ его извѣщали, между прочимъ, что вечеромъ должна была произойти сходка на биржѣ. Онъ отправился туда въ полночь, прошелъ по всѣмъ дворамъ и никого не видалъ.

Сегодня вечеромъ снова былъ пожаръ за заставой. Если завтра опять будетъ горѣть какая-нибудь деревня въ окрестностяхъ, то я право стану вѣрить въ существованіе заговора.

Сегодня къ Его Высочеству прибылъ изъ Москвы фельдъегерь отъ Императора; онъ пробылъ здѣсь не болѣе получаса и отправился въ С.-Петербургъ; если онъ не застанетъ тамъ Государя, то поѣдетъ къ нему навстрѣчу. Онъ привезъ извѣстіе о признаніи Людовика Филиппа королемъ со стороны Россіи. Говорятъ, что нашъ Императоръ написалъ по этому случаю французскому королю прекрасное и чрезвычайно искреннее нисьмо, въ которомъ онъ высказываетъ, что рѣшается признать его королемъ только въ интересахъ обще-европейскаго мира.

Я всталъ въ 7 ³/₄ ч. Въ 11 час. былъ на смотру; Ал. Чичеринъ довелъ меня въ полкъ. Ученье пѣшее съ карабинами въ присутствіи его превосх. Генераль очень недоволенъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда былъ съ Чичеринымъ у Шульгина; потомъ, вечеромъ, у Левицкихъ.

Да сохранить меня Господь.

¹) Пропущено въ подлинникѣ.

Вторникъ. 14/26. Варшава.

Съ тѣхъ поръ какъ въ окрестностяхъ начались возмущенія, и въ особенности послѣ случая съ Войдой, Рожнецкому отпускаютъ ежедневно 6.000 флориновъ на содержаніе тайной полиціи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ старается поддерживать въ Его Высочествѣ мысль о существованіи заговора.

Вставъ въ 8 часовъ, я отправился въ 9-ть въ казармы; конное ученіе на уздечкахъ. Павелъ не присутствовалъ на немъ, такъ какъ онъ былъ въ церкви по случаю дня рожденія покойной императрицы.

Да сохранить меня Господь.

Среда 15/27. Варшава.

Сегодня вечеромъ мы играли у Левицкихъ въ фанты; игра въ вопросы мнѣ очень понравилась.

Разводъ отказанъ. Ученіе пѣшее съ карабинами очень скверно. Репетиція ординарцамъ. Я, Чичеринъ 1-й и Рамъ. Генераль весьма доволенъ. Обѣдалъ дома.

Привожу извлеченіе нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ моею матерью по поводу холеры.

Москва. 30 сент. 1830 г.

„Императоръ пріѣхалъ вчера по утру въ 11 часовъ. Пріѣздъ его оживилъ Москву, облеченную въ трауръ. Дома всѣ заперты, въ городѣ не видно экипажей, и по всѣмъ улицамъ тянутся погребальныя процессіи. Всѣ объаты ужасомъ; кто не видѣлъ города, опустошаемаго эпидеміей, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ ужасно работаетъ воображеніе испуганнаго населенія; вообразить себѣ, что не только боишься воздуха, которымъ дышемъ, но съ опасеніемъ встрѣчаемъ самаго близкаго человѣка, обкуриваемся, спрашиваемъ, откуда онъ? Всякій шагъ внушаетъ опасеніе. Вотъ состояніе Москвы. Императоръ явился въ глазахъ народа ангеломъ хранителемъ. Всѣ вышли изъ оцѣпенѣнія. Самоотверженіе Государя возбудило въ жителяхъ храбрость, и я увѣрена, что присутствіе его спасетъ многихъ, сдѣлавшихся жертвами страха. Представьте себѣ, что одна дама изъ университета, беременная въ третьемъ мѣсяцѣ, до того испугалась, узнавъ, что по сосѣдству отъ нея одинъ чело-вѣкъ умеръ отъ холеры, что она лишилась разсудка и умерла третьяго дня“.

Стрѣльна. 8/20 октября 1830 г.

Между Москвою и Петербургомъ учреждено два карантина, одинъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и другой въ Помераньѣ. Въ первомъ приходится останавливаться на 4, а во второмъ на 5 дней. Императоръ также выдержитъ этотъ карантинъ. Московская дорога не проходить теперь черезъ Царское Село; а идетъ изъ Ижоры на Славянку; Кіевская дорога сворачиваетъ изъ Гатчины на Кипень; все по случаю пребыванія царской фамиліи въ Царскомъ Селѣ.

Присутствіе Е. В. ободрило Москву; каждый спѣшитъ со своей стороны что-нибудь пожертвовать, одни отдаютъ свои дома подъ госпиталь, многіе купцы присылаютъ муку, рожь и т. п. Аптекаря предложили изготовлять лѣкарства бесплатно; словомъ, общее настроеніе напоминаетъ 1812-й годъ

Вотъ рѣчь, съ которой митрополитъ Филаретъ обратился къ Императору, встрѣтивъ его съ крестомъ, въ дверяхъ Успенскаго собора:

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенно любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести,—ты являешься нынѣ среди насъ, какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности предпобѣждать. Такое дѣло царское выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранить тя, и долготерпѣливо щадить насъ. Съ крестомъ, срътаемъ тебя, Государь, да будетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

По разнымъ отчетамъ видно, что съ начала эпидеміи въ Москвѣ заболѣло 1.000 человѣкъ, изъ коихъ умерло 500.

Вставъ въ 8 часовъ, я провелъ весь день дома; вечеромъ былъ у Левицкихъ. По утру были похороны полковника Менѣе, состоявшаго при штабѣ его высочества. Легъ спать въ 12 часовъ.

Да сохранить меня Господь.

Воскресенье 19/31. Варшава.

Гельвигъ самъ былъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и вотъ что рассказывалъ мнѣ о тайныхъ студенческихъ обществахъ. Въ каждомъ университетѣ есть нѣсколько обществъ, терпимыхъ правительствомъ, такъ какъ они не считаются опасными. Въ Лейпцигѣ существуетъ ихъ пять. Общества эти бываютъ двухъ родовъ:

одни, называемыя Handsmannschaft, имѣютъ цѣлю просто хорошо жить, т. е. наблюдать за нравственностью членовъ. Такъ, напр. они не дозволяютъ своимъ членамъ посѣщать б..... Тайныя общества, какъ указываетъ ихъ названіе, возникли изъ союзовъ, заключенныхъ между собою студентами-земляками. Поэтому они принимаютъ названія и цвѣта главнѣйшихъ областей Германіи. Есть общества саксонцевъ, саксо-пруссавъ и т. д. На академическихъ празднествахъ члены носятъ на шляпахъ перья цвѣта своего общества. Особеннымъ предпочтеніемъ пользуется смѣшеніе желтаго, краснаго и чернаго цвѣта, входившихъ въ кокарду древней Германской имперіи. Но такъ какъ ее запрещено носить, то студенты украшаютъ шляпу бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, а подъ рубашку надѣваютъ полосатыя ленты по цвѣтамъ ихъ общества. Другія тайныя общества имѣютъ цѣлю сохранить въ Германіи національность; они возникли изъ Tugend Bund'a и т. п. Члены ихъ носятъ старинный студенческій костюмъ: обтянутый черный сюртукъ, такого же цвѣта шляпу съ бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, бѣлыя брюки, испанскіе ботфорты со шпорами, шпагу, длинные усы и волосы. Эти общества чисто университетскія; члены исключаются тотчасъ по окончаніи курса. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ своего судью и наблюдаетъ въ особенности за распрями между студентами. Напр., если студентъ толкнулъ другого, оскорбленный имѣетъ право сказать: Sie Sind ein dummer Junge (болванъ); тотъ въ свою очередь можетъ вызвать его на дуэль, и тогда они дерутся на обоюдоострыхъ шпагахъ; или если оскорбленный отвѣтилъ: Sie sind ein Hundssotz, то въ такомъ случаѣ дерутся на сабляхъ, что гораздо опаснѣе. Если же было произнесено какое-нибудь другое слово, кромѣ вышеозначенныхъ, то виновный съ позоромъ изгоняется изъ общества. Дуэли на пистолетахъ дозволены между студентами лишь въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ не умѣетъ владѣть шпагой.

Вечеромъ, бывши у г-жи Кнорингъ, я долго всматривался въ Дюрана, французскаго консула. Это маленькій кубикъ, или скорѣе шарикъ, который не ходитъ, а катится по комнатѣ; руки его до того коротки, что ему никогда не удастся сложить ихъ на животѣ, и вслѣдствіе этого онъ постоянно держитъ въ рукѣ шляпу самымъ комичнымъ образомъ. Онъ не дипломатъ, но скорѣе каррикатура на дипломата, въ особенности послѣ недавнихъ событій. Кромѣ политическаго поприща, онъ занимается еще содержаніемъ виноградниковъ, и поэтому при возвышеніи Полиньяка счелъ нужнымъ предложить свои услуги и войти въ соглашеніе съ господствующей партіей. Но вотъ обстоятельства измѣнились, Полиньякъ и К^о.

обанкрутились, и нашъ маленькій человѣкъ совершенно потерялся, не зная, какъ держать себя. Съ нимъ любопытно поговорить. Мнѣ болѣе всего нравится въ немъ его вино, называемое *Люнелемъ Дюрана*. По утру былъ за приказаніемъ въ Бельведеръ; обѣдалъ дома.

Да сохранить меня Господь.

Четвергъ 23/4. Варшава.

!!!Всеѣ мои надежды на богатство и счастье рушились, въ карманѣ нѣтъ ни гроша, не на что купить куска хлѣба взамѣнъ обѣда!! Какое положеніе послѣ вчерашнихъ надеждъ и воздушныхъ замковъ!!! Въ какое положеніе поставилъ меня этотъ отказъ или, лучше сказать, неразрѣшенный отпускъ. По утру мое положеніе было ужасно; я буквально умиралъ съ голоду, и не предвидѣлось никакого исхода; одинъ несчастный флоринъ, найденный мною въ моей коллекціи, далъ мнѣ возможность купить порцію холоднаго мяса и хлѣба. Это составило мой обѣдъ. Утоливъ голодъ я повеселѣлъ и обдумалъ свое положеніе, однако надобно сознаться, что покуда желудокъ мой былъ пустъ, мнѣ приходила охота побить кого-нибудь.

Воскресенье 26 октября, (7 ноября), Св. Дмитрія. Варшава.

Именины гр. Курута.

Онъ родился въ рубашкѣ. Воспитанный у адмирала Л. И. Кутузова, который до нѣкоторой степени растратилъ свое состояніе, онъ вполне наслѣдовалъ его образъ мыслей, его оригинальность и даже его дурныя манеры. Онъ кривляется ужасно; съ нимъ нужно разговаривать закрывши глаза. Онъ очень уменъ, много знаетъ и жаждетъ почестей. Онъ началъ службу въ гвардейской пѣшей артиллеріи и считался старательнымъ и весьма приличнымъ офицеромъ. Онъ завѣдывалъ школою фейерверкеровъ. 14 декабря командовалъ батареей, будучи простымъ лейтенантомъ, имѣлъ счастье первымъ прибыть на площадь съ картечью и этимъ обратилъ вниманіе Императора. Онъ получилъ тогда Владимірскій крестъ и нѣсколько времени спустя былъ назначенъ адъютантомъ Его Высочества. Въ турецкую кампанію 1828 года онъ мало былъ при в. к., а большею частью находился въ авангардѣ или при осадныхъ батареяхъ. При Бѣловѣ командовалъ 9 дней батареей, получилъ Георгія 4 степени. Храбрый и необыкновенно хладнокровный, ищущій всегда случая отличиться, онъ получилъ въ эту войну почетную саблю, чинъ штабсъ-капитана, Анну на шею и нѣсколько

благодарностей. Въ 1829 г. онъ состоялъ при главнокомандующемъ графѣ Дибичѣ. Командовалъ двумя батареями при осадѣ Силистріи, былъ произведенъ въ капитаны и получилъ лихорадку въ траншеяхъ. При заключеніи мира онъ получилъ корону на Анну и тогда онъ отправился въ Карлсбадъ, объѣхалъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, истративъ 10.000 руб., всю Италію, Рейнъ и часть Австріи и теперь возвратился въ Россію. Съ такой жаждой къ повышенію и съ его средствами, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ играть со временемъ видную роль въ нашемъ военномъ мірѣ.

Вторникъ 28/9. Варшава.

Въ настоящее время никто не вѣритъ въ возможность возмущенія въ Варшавѣ и говорить о заговорѣ считается уже не современнымъ; мысли направлены въ другую сторону, и что бы теперь ни случилось—ничего не относятъ болѣе къ недовольству поляковъ. Въ прошлую субботу, напримѣръ, около ста студентовъ отправились въ № чтобы пропѣть заукокойный гимнъ въ честь храбрыхъ защитниковъ отчизны, отправленныхъ Суворовымъ *ad patres*. Десять дней тому назадъ это встревожило бы всѣхъ властей; патрули и часовые были бы усилены, и моимъ храбымъ товарищамъ снова пришлось бы заряжать свои пистолеты. Теперь же объ этомъ фактѣ никто не говорилъ и даже не думалъ. Вчера всѣ были встревожены холерою, появившеюся въ Гродненской губерніи, сегодня всюду только и говорятъ о войнѣ съ возставшими бельгійцами. Весь этотъ переполохъ поднялся вслѣдствіе отказа въ отпускахъ и приказанія учить солдатъ стрѣльбѣ въ цѣль. Всѣ только и толкуютъ о приготовленіяхъ къ походу; говорятъ даже, будто 1-й корпусъ графа Петра Малена составитъ авангардъ. Дай Богъ, чтобы эти слухи имѣли болѣе основанія, нежели толки о заговорѣ.

Среда 29/10. Варшава.

Нельзя долго быть влюбленнымъ, не надѣлавъ много глупостей; также трудно говорить о любви, не сказавъ пошлости.

Ивашкевичъ, полковникъ нашего полка, котораго мы всегда считали величайшимъ пьяницей и человѣкомъ, который болѣе всего боится Его Высочества и генерала, будучи въ кирасирскомъ полку, подъ командою ген. Левашева, спасъ послѣднюю жизнь. Онъ его вывезъ изъ сраженія, когда ген. былъ раненъ въ руку. Я узналъ объ этомъ, пот. что Его Высоч. пожелалъ видѣть Ивашкевича.

Слухи о войнѣ раздаются все чаще и чаще. Сегодня мнѣ говорили, что первая гусарская дивизія, отданная подъ личный при-смотръ инспектора всей кавалеріи, снова присоединена къ первому корпусу. Корпусъ этотъ, ввѣренный графу Петру Палену, получилъ приказаніе быть готовымъ выступить 20-го декабря; мы должны выступить того же числа.

Четвергъ. 30 11 Варшава.

Привожу содержаніе полученныхъ писемъ:

Холера продолжаетъ свирѣпствовать въ Москвѣ. Присутствіе Его Величества, подобно электрической искрѣ, возвратило жизнь и движеніе властямъ этой столицы, парализованной страхомъ. Всѣ газеты наполнены списками лицъ, жертвующихъ на общую пользу деньги или личный трудъ. Каждый сенаторъ взялъ въ свое распоряженіе одинъ кварталъ, и многіе добровольно предложили свои услуги, чтобы помогать имъ.

Многія частныя лица, между прочимъ князь Михаилъ Долгору-кій, отдають свои дома подъ госпитали. Купцы предложили снабжать народъ по дешевой цѣнѣ мукою и капустою.

Съ начала эпидеміи число больныхъ возросло до 2.400 чело-вѣкъ, изъ коихъ около 1.000 умерли до 12/24 октября. Это цифра небольшая при населеніи въ 300.000 душъ.

Москва объята ужасомъ. Нѣкто Хвостовъ пріѣхалъ въ Москву 8, заболѣлъ 9 и умеръ 10. Доктора объявили, что боязнь помѣшала лѣкарствамъ подѣйствовать. „Анастасія Николаевна Хитрово пи-шетъ изъ Москвы, что она со всѣмъ семействомъ уже исповѣдалась, пріобщалась, и что они ежеминутно ожидаютъ вѣчной разлуки“.— Впрочемъ „хотя холера не забываетъ и аристократію, но все же это болѣзнь чисто демократическая и простонародная“.

Поѣздка Императора въ Москву составитъ достойную страницу по исторіи; во время своего пребыванія въ этомъ городѣ онъ нисколько не берегъ себя, не только посѣщалъ госпитали, но и въ Кремлѣ былъ окруженъ народомъ, исполненнымъ надежды и любви къ нему. Особенно достойно вниманія, что онъ строго выдержалъ двухнедѣльный карантинъ въ Твери; въ С.-Петербургъ онъ возвратился 19 числа. 25-го дворъ переѣдетъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 31/12. Варшава.

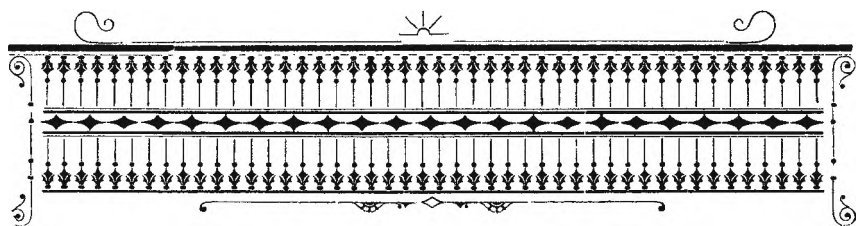
Въ Литовскомъ полку Федоровыхъ было пять: Василій, Николай, Павелъ, Михаилъ и Дмитрій. Теперь ихъ осталось только трое. Впрочемъ, они схожи почти во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что, зная одного, можно сказать, что знаешь всѣхъ. Настоящіе полувоспитанные московскіе баричи.

Хвастливы, крикуны, оскорбляющіеся за каждое слово, и готовы всегда возстановить свою честь дуэлью... на вилкахъ. Ограниченнаго ума и образованія, тщеславные: но, не взирая на эти маленькіе недостатки, младшіе два все - таки добрые малые. Павелъ имѣетъ вдобавокъ претензію быть поэтомъ, я никогда не имѣлъ удовольствія читать его стихи, но Одинцовъ 1-ый, имѣвшій это несчастье, рассказываетъ, что они въ высшей степени комичны. Этотъ же самый Павелъ повздорилъ однажды (въ 1829 г.) съ Сережей; они должны были драться въ Страстную пятницу; никогда не забыть мнѣ этого дня. Сережа и я были приглашены на обѣдъ къ Жандръ, куда я отправился одинъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Дуэль была назначена въ 5 часовъ.

Какая была моя тревога все время обѣда! Лишь только вышли изъ-за стола, я поспѣшилъ удалиться и побѣждалъ узнать о Сережѣ къ Одинцову; но поединокъ окончился весьма миролюбиво, и страхъ мой былъ напрасенъ.

(Окончаніе самодурства).

Изъ дневника Опочихика.

Октябрь. — 1830 г.

(Окончаніе ¹⁾).

Воскресенье, 2/14. Варшава.

Заговоръ, о которомъ говорили на всѣ лады, причисливъ его наконецъ къ выдумкѣ генерала Рожнецкаго, оказывается далеко не вымышленнымъ. Третьяго дня было захвачено 6 заговорщиковъ изъ нижнихъ чиновъ, которые, какъ говорятъ, хотѣли посягнуть на жизнь Его Высочества. Итакъ, нить заговора найдена, остается только искусно распутать ее. Неискусная или недоброжелательная рука, порвавъ ее, можетъ вызвать большое несчастье.

Въ прошлую среду обычныя глупыя шуточки Шульгина вывели изъ терпѣнія Владека; онъ ему что-то отвѣтилъ, а нашъ московскій пѣтушекъ погрозилъ выбросить его въ окно. Слѣдствіемъ этого было объясненіе на смотру, колкости, сказанныя съ обѣихъ сторонъ, и дуэль въ прошлую пятницу. Секундантомъ Владека былъ Дерфельденъ 1; у Шульгина — гусаръ Шталь-фонъ-Гольштейнъ. Шульгинъ промахнулся; Владекъ отдалъ ему свой пистолетъ, не стрѣлявъ. По этому поводу ходить много толковъ, которые надобно давать мнѣ.

По утру обѣдня во дворцѣ. Смотръ. Фельдъ-егерь изъ Петербурга. Говорятъ, война въ отставку. Обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Грессеромъ; онъ получилъ выговоръ. Вечеромъ у Левицкихъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1908 г.

Понедѣльникъ, 3/15. Варшава.

Вотъ что я узналъ о пресловутомъ заговорѣ: до сихъ поръ арестовано пятьдесятъ человѣкъ; между прочимъ много студентовъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и юнкеровъ польской арміи. Говорятъ, что душою заговора были гренадерскія роты 3-го линейнаго полка. Предполагали начать съ убійства Его Высочества. Говорятъ, что обо всемъ донесъ какой-то юнкеръ. Все было готово, заговорщики имѣли патроны, заряды и оружіе. Первыми были арестованы шесть человѣкъ въ прошлую пятницу, съ оружіемъ въ рукахъ; они, какъ говорятъ, были совершенно готовы привести въ исполненіе свой гнусный заговоръ. До сихъ поръ арестованы все незначительныя лица, но подозрѣваютъ, что вожаками были нѣкоторые болѣе значительныя лица, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ заговорахъ. Дѣло въ томъ, что все это разузнала вовсе не хваленая полиція Рожнецкаго; Его Высочество назначилъ слѣдственную комиссію изъ генер.: Гука, Крассинскаго и Ратенштрауха. Секретаремъ опредѣленъ Жадерновскій изъ канцеляріи Его Высочества. Особенно достойна вниманія храбрость, съ какою Его Высочество выходилъ въ субботу, какъ обыкновенно, хотя онъ и зналъ, что жизнь его въ опасности. Это прекрасная нравственная твердость характера.

Вставъ въ 7 часовъ, я былъ въ казармахъ до 2³/₄ ч. Обѣдалъ въ Бельведерѣ въ 4¹/₂ ч., потому что Его Высочество работалъ съ Рожнецкимъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Легъ спать въ 12 ч.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ, 4/16. Варшава.

28 іюля 1830 г., день паденія Бурбоновъ, совпалъ съ 9 термидоромъ, днемъ паденія Робеспьера.

Говорятъ, будто Карлъ X принадлежалъ къ ордену іезуитовъ и даже былъ посвященъ въ епископы, исполняя его обязанности во дворцѣ.

Вставъ въ 8 часовъ, былъ на смотрѣ. Я былъ дежурнымъ: унтеръ-офицеръ Лукашевичъ, 1-го взвода, солдатъ Кимборъ въ моемъ взводѣ. Обѣдалъ дома; вечеромъ у Овандеръ. Приигралъ въ пять и пять мои послѣдніе 10 фл. Легъ спать въ 2 часа.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Среда, 5/17. Варшава.

Всталъ въ 8 часовъ; былъ въ казармахъ; гонялъ молодыхъ лошадей на кордѣ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Возвратился къ себѣ въ 7 часовъ. Много писалъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Озеровы... нужно объясниться. Легъ спать въ часъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Е. И. В. великій князь Константинъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ 1815 г., встрѣтилъ особенно любезный пріемъ со стороны семейства Кубьеръ (Cubière). Въ его поѣздкахъ инкогнито, в. князя часто сопровождалъ одинъ молодой человѣкъ изъ этой семьи, служившій впоследствии въ лейбъ-гвардіи. Въ одно прекрасное утро этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Варшаву, поселился въ Бельведерѣ и нѣсколько времени спустя былъ зачисленъ въ гвардейскій уланскій полкъ и назначенъ адъютантомъ при Его Высочествѣ. Этотъ весьма умный и любезный юноша, Оливъ, сдѣлался тѣнью Его В., сопровождая его во всѣхъ поѣздкахъ, сталъ ухаживать за M-elle Скобининой, женился на ней, взявъ приданое съ 40.000 ежегоднаго дохода; наконецъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья оставилъ службу и уѣхалъ во Францію. Политическія событія заставили его выѣхать оттуда. Жена его проводитъ зиму въ Дрезденѣ, а онъ между тѣмъ заѣхалъ въ Варшаву и снова занялъ свое мѣсто въ коляскѣ и за столомъ Его Высочества. Мнѣ рѣдко случалось встрѣтить человѣка, болѣе пріятнаго въ обращеніи.

Представленіе оперы Обера *Muette de Portici* воспрещено; польскій театръ остается ни при чемъ со своими великолѣпными декораціями.

Вчера возобновились французскія представленія; говорятъ, начало было не блестящее.

Дюмушескій говоритъ сегодня въ своемъ „Курьерѣ“, что 1-й и 2-й армейскій корпуса, литовскій корпусъ и польская армія получили приказаніе выступить въ походъ. Было ли ему разрѣшено сдѣлать подобное сообщеніе или это одна изъ его обычныхъ утокъ?

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница, 7/19. Варшава. Въ казармахъ.

Я получилъ сегодня утромъ письма изъ Петербурга отъ своихъ, писан. 29 окт.

Въ Петербургѣ только и говорятъ о холерѣ, это вопросъ дня. Министру финансовъ Канкрину, у котораго собирается многочисленное общество, до того наскучили эти разговоры, что онъ назначилъ штрафъ въ 10 коп. сер. со всякаго, кто заговоритъ объ этомъ предметѣ, и собралъ огромную сумму, такъ какъ никто не хотеть объ немъ молчать.

Замѣчено, что нигдѣ холера не свирѣпствовала такъ долго и не похитила столько жертвъ, какъ въ Москвѣ. До сихъ поръ она обнаруживалась болѣе въ народѣ, теперь же перешла въ высшее общество; въ примѣръ приводятъ Афросимова и его сестру и одного

врача по имени ***. Особенно странно, будто, какъ говорятъ, московскіе врачи пользуютъ эту болѣзнь съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели провинціальныя доктора и даже деревенскіе лекаря. Впрочемъ болѣзнь эта весьма странная. Она занесена въ Москву однимъ студентомъ изъ Саратова, который не только не умеръ, но даже не хворалъ и это не единственный примѣръ. Папашѣ рассказывалъ это Е. В. Въ Саратовѣ одна дама умерла отъ холеры; мужъ ея, пускавшій ей кровь, хотѣлъ обтереть холодный потъ, выступившій у нея на лбу, и лишь только дотронулся до нея, какъ упалъ замертво. Хирургъ, бывшій при этомъ, въ свою очередь захотѣлъ обтереть потъ и также скоростигжно умеръ.

Утромъ 19 октября насчитывали со дня появленія 3.402 больныхъ, изъ коихъ 1.679 умерло.

Изъ письма лейбъ-медика Лодера къ редактору „С.-Петербургской Газеты“:

„Къ несчастью болѣзнь эта еще мало изслѣдована, но повидимому это тоже индѣйская холера, видоизмѣненная климатомъ. Она не въ такой степени заразительна, какъ чума, хотя и убиваетъ въ нѣсколько часовъ тѣхъ, кто особенно предрасположенъ къ ней. Здѣсь число заболѣвающихъ относится какъ 8:5, и они принадлежатъ по преимуществу къ низшему классу, что слѣдуетъ приписывать вліянію тѣсныхъ, сырыхъ жилищъ, а также привычкѣ простолюдинъ ходить босикомъ, ѣсть сырой лукъ, грибы, огурцы и испорченную соленую рыбу. Но въ особенности холера поражаетъ пьяницъ. Кромѣ того, въ народѣ есть привычка скрывать первые признаки болѣзни. Что же касается до лицъ высшаго сословія, которыхъ заболѣло впрочемъ не болѣе тридцати, то они погибли большею частью вслѣдствіе пустого страха, парализовавшаго дѣйствіе лекарствъ. Число больныхъ все еще не уменьшается, но болѣзнь начинаетъ уступать“.

Неоднократныя попытки докторовъ: Высоцкаго, Рихтера 2-го и т. д. доказали, что въ началѣ болѣзни весьма дѣйствительными оказываются укусыныя втиранія; ихъ производятъ до тѣхъ поръ, покуда не появится легкая испарина.

Было замѣчено, что холера проявляется иногда вслѣдствіе несвоевременнаго приѣма даже самыхъ невинныхъ слабительныхъ средствъ, какъ-то: сильныхъ приѣмовъ магнезій и т. д. Санитарный комитетъ предлагаетъ не употреблять ихъ безъ предписанія врача. Иные употребляютъ при поносѣ соленую икру, и однако опытъ доказалъ, какія это можетъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Въ „Journal de S. Petersbourg“ въ № 128 напечатано:

„Е. И. В. Государь Императоръ соизволилъ повелѣть при-

вести на военное положеніе нижепоименованные корпуса, именно: 1-й и 2-й пѣхотный корпусъ, 3-й и 5-й кавалерійскій, резервный, Литовскій корпусъ, *резервный корпусъ, состоящій подъ командою Е. И. В. великаго князя Константина*, польскую армію и подобное же число иррегулярныхъ казацкихъ полковъ. 3-му и 5-му кавалерійскимъ резервнымъ корпусамъ, стоявшимъ въ Херсонской и Курской губерніяхъ, приказано двинуться къ западной границѣ, останавливаясь временно въ губ. Подольской и Житомирской. Корпуса эти уже выступили.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Суббота 8/20. Варшава.

Существуетъ нѣкая М-лле Глотковская, воспитанница драматической консерваторіи въ Варшавѣ, дебютировавшая недавно съ большимъ успѣхомъ здѣсь, въ оперѣ. Она и М-лле Волкова—любимая ученица *Соливы*, капельмейстера этого заведенія; онъ представлялъ ихъ въ салоны, гдѣ онѣ поютъ.

Въ нее влюбился генераль Исаковъ, который послѣ своей поѣздки за границу считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать искусствамъ. На-дняхъ онъ далъ обѣимъ пѣвицамъ и Соливѣ обѣдъ; за десертомъ предложилъ Глотковской двѣ карамели; въ одной изъ нихъ была записка на французскомъ языкѣ; молодая дѣвушка отвѣтила ему, онъ въ свою очередь отвѣтилъ ей, и такъ завязалась переписка.

Актеры свели съ ума всѣхъ нашихъ генераловъ. Генераль Рихтеръ на-дняхъ послалъ Волковой, которую онъ едва знаетъ, вуаль. Сумасшедшіе!!!

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 9/21. Варшава.

Варшавская драматическая консерваторія находится, неизвѣстно почему, подъ высокимъ надзоромъ генерала Рожнецакаго. Поручена ли ему эта должность въ качествѣ командующаго польской кавалеріи или какъ начальнику тайной полиціи? Суть въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ нея сераль для своихъ забавъ. Бѣднымъ пансіонеркамъ нѣтъ покоя, если онѣ не уступаютъ желаніямъ его превосходительства. Одна изъ этихъ дѣвицъ, по фамиліи Бемецкая, имѣла несчастіе понравиться ему и глупость отказать въ нѣкоторой благосклонности. Ее наказали, не отпустивъ даже повидаться съ матерью. Бѣдняжка скучала, отчаявалась и нашла, наконецъ, себѣ утѣшеніе въ маленькомъ Адеркасъ—прапорщикѣ Волинскаго полка, который жилъ въ Маріенштадтѣ, противъ консерваторіи.

Въ воскресенье вечеромъ онъ видѣлся съ нею подъ воротами; она сказала ему, что намѣрена бѣжать; онъ далъ ей свою шинель и фуражку, нанимаетъ извозчика и отвозитъ ее къ матери. Этотъ побѣгъ возбудилъ сильный переполохъ; начальство пожаловалось Соливѣ, Солива—Рожнецкому, Рожнецкій—Его Высочеству, и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ вся исторія кончится.

Сегодня былъ обѣдъ у коменданта; прежде у него давались роскошные обѣды, теперь же ихъ можно назвать только сносными. Вкусна одна только кулебяка. Вина отвратительныя; все носитъ отпечатокъ чванства и бѣдности. Обѣдали *Парадовскіе*; мужъ, человѣчекъ небольшого роста съ тыквообразной головой, походить на кота въ гусарскомъ мундирѣ. Когда онъ служилъ въ уланахъ въ Волынскомъ полку, деревня, въ которой стоялъ его эскадронъ, сгорѣла со всѣми лошадьми. Онъ считалъ себя разореннымъ; въ нашей гвардіи составилаь подписка, Его Высочество заплатилъ остальное и, кромѣ того, великій князь запомнилъ его фамилію и перевелъ его въ гвардію, когда былъ сформированъ Гродненскій полкъ. Онъ настоящій полякъ, обращается къ вамъ всегда съ улыбкой и распростертыми объятіями. Жена его очень хорошенькая полька, съ рыжими волосами; она необыкновенно бѣла, обладаетъ восхитительными глазами и напоминаетъ женскія фигуры французской школы 18 вѣка; даже въ манерѣ ея проглядываетъ нимфа Буше или Ванъ-Лoo (Vanloo). Г. *Ланге*, тайный совѣтникъ, мужъ своей жены и отецъ г-жи *Альбрехтъ*; чопорный, неповоротливый, онъ никогда не высказывается прямо, коверкаетъ французскій языкъ, которому разучился во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, куда онъ былъ посланъ, не знаю по какому-то финансовому дѣлу. Онъ состоитъ теперь при Новосильцевѣ. *Мюнерое* (Мунегое), американецъ, адъютантъ великаго князя. Я не могу объ немъ говорить. *Онъ сдѣлалъ мнѣ слишкомъ много зла, чтобы сказать о немъ доброе слово, а она слишкомъ благоволила къ нему, чтобы я могъ отнестись объ немъ дурно.* Можетъ быть я заблуждаюсь. *Озеровы*. Увы! ихъ пора миновала!!!

Павелъ Чичеринъ, добрый малый, который пороха не выдумаетъ, но съ прекраснымъ сердцемъ, что гораздо лучше. Этотъ ребенокъ позволяетъ всѣмъ вертѣть собою, и не понимаю, почему послѣднее время всѣ особенно стали пользоваться этимъ. Кап. *Носовъ* плацъ-адъютантъ, женатый на племянницѣ коменданта. Красивый, высокаго роста, щекотливый, какъ всѣ не особенно умные люди, и вѣчно въ ссорѣ со своей дражайшей половиной, которая повидямому очень жеманна. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нею; моимъ vis à vis былъ Ив. Озеровъ, котораго я когда-то называлъ своимъ другомъ.

Однако, сколько я ни обдумывалъ своего поведенія относительно него, я не могу ни въ чемъ упрекнуть себя. Я такъ ихъ любилъ, такъ былъ преданъ имъ душою и тѣломъ, и чѣмъ они мнѣ отплатили... Я слишкомъ гордъ, чтобы искать объясненія; цѣлый мѣсяцъ я скрывалъ мое огорченіе и мои слезы, не показывалъ, что замѣчаю ихъ холодность, я надѣялся, что это не болѣе какъ недоразумѣніе, но тщетно; остается только отдалиться; я долженъ это сдѣлать, хотя такъ привыкъ ихъ любить, что это надрываетъ мнѣ сердце. Нѣтъ, я не вѣрю болѣе въ дружбу, я не положусь болѣе ни на кого. Но если бы когда-нибудь представился случай пойти за нихъ въ огонь, то я бы это сдѣлалъ, и они убѣдились бы въ справедливости пословицы: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

Сегодня за обѣдомъ она говорила мнѣ о нѣкомъ *Адольтѣ*; это таинственное имя сводило меня когда-то съ ума. Оказывается, что это не кто иной, какъ милый американецъ, которому приписываютъ всѣ качества, не исключая и названія героя. „Не моего романа“, само собою разумѣется. Не понимаю, что онѣ нашли въ этой рыжей головѣ и этомъ тощемъ тѣлѣ. Ему все прощается, даже его эгоизмъ и вѣчное я... которымъ начинаются всѣ его фразы. Женщины, женщины, кто васъ пойметъ!

Я составилъ на сегодняшній день хорошій или дурной проэктъ, не знаю, но по крайней мѣрѣ я надѣялся, что онъ поведетъ къ объясненію. Онъ не удался, и я ограничился одними мечтами. Я вижу, что лучше все предоставить времени, пользоваться только обстоятельствами, не стараясь создавать ихъ. Это будетъ вѣрнѣе.

М. Вернонь, французъ, служившій сначала своей странѣ, затѣмъ перешедшій въ австрійскую службу, а въ настоящее время состоятъ въ нашемъ гвардейскомъ уланскомъ полку, услыхавъ о приговореніяхъ къ войнѣ, считаетъ неловкимъ идти противъ своего отечества. „Чти отца своего и мать свою, и долготѣнъ будеши на земли“. Онъ подалъ въ отставку и оставляетъ по себѣ репутацію негодяя, забіяки, хвастуна и гуляки. Его исторія съ Гудаковскимъ, адъютантомъ в. князя, не дѣлаетъ ему чести.

Сынъ Ивана Тимирязева умираетъ. Мать въ отчаяніи; это единственный плодъ ихъ брака, прелестный двухлѣтній мальчикъ. М-те Левицкая провела у нихъ почти весь вечеръ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Поведѣльникъ 10/22. Варшава.

Великій князь въ минуту гнѣва называлъ одного польскаго генерала коровой. Его превосходительство въ отчаяніи явился съ жалобой къ графу Курута; онъ считалъ себя оскорбленнымъ, даже

обезчещеннымъ. Графъ далъ ему высказаться, высморкался четыре или пять разъ и, складывая платокъ, сказалъ:—Словомъ, генераль, что же онъ вамъ сказалъ? — Онъ назвалъ меня короной. — Э, Боже мой, любезный генераль, со мной это случилось не разъ, и однако я все же остался человѣкомъ.

Мнѣ говорили, будто нашъ генераль получилъ письмо отъ моего двоюроднаго брата, *полковника Пиллера*, командующаго Кирасирскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ. Этотъ полкъ двинулся въ Подольскую губ., но къ несчастью въ немъ были случаи холеры, и заболѣло уже 10 человѣкъ. Не знаю, какъ размѣстятъ въ Подольской губ. весь этотъ полкъ по квартирамъ.

Сынъ г-жи Тимирязевой очень плохъ. М-ше Левицкая поѣхала сегодня въ 11 часовъ вечера утѣшить мать. Несчастливая женщина.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ 11/23. Варшава.

П. Грессеръ, адъютантъ великаго князя, добрый малый, но къ несчастію болѣе образованъ, нежели уменъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ занялся чтеніемъ французскихъ книгъ, онъ имѣетъ претензію говорить на этомъ языкѣ; но это было бы ничего, если бы, не зная совершенно употребленія членовъ, онъ не старался говорить отборными выраженіями, что дѣлаетъ его бесѣду утомительною; видно, что онъ ищетъ отборныхъ словъ и, такъ какъ память иногда измѣняетъ ему, то онъ тянетъ, жуетъ свои фразы, перемѣшивая ихъ безпрестанными *ou pour mieux dire, pour ainsi dire*. Когда въ разговорѣ съ нимъ употребимъ какой-нибудь особенный оборотъ рѣчи, онъ остановитъ васъ среди фразы и заставитъ повторить. Ради Бога, говорите по-русски. Онъ въ раздорѣ съ Мюнерозъ; я его очень люблю.

Ребенокъ г-жи Тимирязевой умеръ сегодня утромъ. Генераль Трэмбидкій, бывшій адъютантъ в. князя, назначенъ директоромъ школы подпранорщиковъ польской пѣхоты; это слѣдствіе знаменитаго заговора. Прежде директоромъ этой школы былъ е. пр. графъ Курута.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Польшѣ существуетъ обширное тайное общество, которое постоянно думаетъ о возстановленіи отчизны. Увѣряютъ, что оно имѣетъ скрытое вліяніе на правительственный совѣтъ, посылаетъ всюду эмиссаровъ, чтобы розыскивать враговъ Россіи; эмиссары эти заѣзжаютъ даже въ Персію. Подъ вліяніемъ этого общества, Прушинскій, офицеръ конной артиллеріи, былъ посланъ въ качествѣ торговаго агента въ Лондонъ. Безобразовъ говорилъ вчера одному изъ этихъ господъ, которыхъ онъ не

хотѣлъ назвать мнѣ.—Русскіе не могутъ придти съ вами въ соглашеніе; никогда ни одинъ изъ насъ не захочетъ уступить губерній, пріобрѣтенныхъ Екатериной II.—Дѣло можетъ уладиться, отвѣчали ему; мы не хотимъ вашихъ губерній, пусть онѣ остаются при васъ: великую Польшу, Галицію, вотъ чего мы желаемъ, а въ замѣнъ Литвы, Волыни и т. д. мы имѣемъ Венгрію, которая протягиваетъ намъ руки. Это народъ такъ же, какъ и мы, недовольный своимъ правительствомъ, который только и желаетъ свободы и охотно сталъ бы подъ знамя Бѣлаго Орла. Что касается меня, то я думаю, что если бы Венгрія когда-нибудь стряхнула австрійское иго, то она отдалась бы подъ покровительство Россіи. Венгерцы любятъ насъ и большинство ихъ исповѣдуетъ одну религію съ нами. Однако надобно опасаться возстанія.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 14/25. День м. рожденія 22 года. Варшава.

Письма отъ мамы и отъ сестры отъ 5/17 ноября. Въ Петербургѣ менѣе говорятъ о холерѣ, нежели о войнѣ. Въ Москвѣ эпидемія уменьшается. 27 окт.: заболѣло только 98 человекъ, выздоровѣло 90, умерло 62. Вообще, съ начала болѣзни заболѣло 4.408 человекъ; изъ нихъ умерло 2.292 человека.—Отецъ писалъ великому князю, прося уволить меня въ отпускъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 16/28. Варшава.

Я дежурный вмѣстѣ съ Далинскимъ. Весь день только и былъ разговоръ о нашихъ ложныхъ опасеніяхъ относительно революціи. Каждый излагалъ свой планъ побѣга, если бы пришлось оставить свои квартиры, и всѣ офицеры признали, что мнѣ угрожала наибольшая опасность, такъ какъ я жилъ очень далеко отъ казармъ.

Понедѣльникъ 17/29 ноября. Я покидаю Варшаву.

Утро я провелъ на ученьи, обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Чичериными, и мы разговаривали о революціи, какъ о дѣлѣ поконченномъ, такъ какъ заговорщики были найдены и арестованы. Вернувшись домой довольно поздно, я наскоро переодѣлся и отправился къ Озеровымъ, жившимъ въ улицѣ Баклянской, близъ 1-го арсенала, намѣреваясь поѣхать оттуда вечеромъ къ Левицкимъ. У нихъ я засталъ Овандера, подпоручика Литовскаго полка, который вскорѣ ушелъ, намѣреваясь посѣтить свою возлюбленную, жившую въ улицѣ Моривиль.

Мы сѣли играть въ пикетъ: около 8 часовъ тотъ же самый Овандеръ вбѣгаетъ совершенно растерянный крича: „Господа, русскихъ рѣжутъ, Бельведеръ взять, я бѣгу въ казармы!“ Поцѣловаться на прощанье и спуститься одинъ за другимъ съ лѣстницы—было минутнымъ дѣломъ. Сережа побѣжалъ въ казармы, я—во дворецъ, чтобы осѣдлать лошадей, а Ивану Озерову пришла несчастная мысль отправиться къ Левицкимъ. По дорогѣ я встрѣтилъ множество народу, даже женщинъ, бѣжавшихъ къ арсеналу; вдали раздавался глухой шумъ, но, несмотря на мой русскій султанъ, меня никто не затронулъ, и не могло быть сомнѣнiя въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня грабили арсеналъ. Завернувъ въ Белянскую улицу, я встрѣтилъ сына военного министра, *Гаука*, подпоручика конной артиллерiи польской гвардiи; онъ шелъ очень скоро. Я остановилъ его, спросивъ, что все это значить. „Не знаю, проходите“, отвѣтилъ онъ довольно сухо. Не предлагая ему другого вопроса, я поспѣшилъ ко дворцу. Нѣсколько шаговъ далѣе я увидѣлъ чело-вѣка съ обнаженной саблей, за которымъ слѣдовали нѣсколько мальчишекъ и нѣсколько чело-вѣкъ въ рубищахъ; они шли съ Саксонской площади, крича *Do bronі, Polacy, do bronі, iuz czas*. Я едва успѣлъ спрятаться подъ воротами дома Думашевского. Они прошли мимо, не замѣтивъ меня, продолжая свой кровавый призывъ. Я не пишу съ цѣлю хвастовства, не хочу выставлять себя героемъ; однако я не трусь, ихъ нѣтъ въ нашъ благодатный вѣкъ, но близость этихъ кровожадныхъ людей, предводимыхъ изступленнымъ фанатикомъ, произвела на меня такое впечатлѣнiе, что покуда я буду живъ, я никогда не вспомню безъ содроганья этой минуты; еще долго спустя меня будилъ ночью этотъ фанатическій крикъ, раздававшійся въ моихъ ушахъ, и даже теперь, живя совершенно спокойно въ моемъ отечествѣ и припоминая эти событія, я не могу безъ отвращенiя написать польскаго слова *do bronі*. Какой герой не блѣднѣлъ при первой стычкѣ? Кто, проснувшись внезапно на бивакѣ отъ страшнаго возгласа: къ оружію! непріятель въ лагерь! не испыталъ жгучаго чувства ужаса, который, правда, мину-ту спустя разсѣивается разсудкомъ? А эта встрѣча была моей первой опасностью, моей первой стычкой; это было внезапнымъ пробужденiемъ отъ полной безопасности, и мои 17 лѣтъ могутъ извинить пробудившееся во мнѣ тогда чувство близкой опасности. Итакъ: покинувъ эти благодатныя ворота, я прибѣжалъ запыхавшись во дворецъ. Всѣ были объаты ужасомъ; мой конюхъ, полякъ, впрочемъ порядочный негодяй, плакалъ и упрашивалъ меня на колѣняхъ одѣть его платье, чтобы доѣхать въ полкъ. Генералъ Кривцовъ и Даниловъ въ отчаянiи находились въ канцелярiи, гдѣ

человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ и писарей передавали другъ другу все болѣе и болѣе печальныя извѣстія. Говорили, будто великій князь убитъ; многіе русскіе офицеры перебиты на улицахъ; ген. Исаковъ и Бутурлинъ изрублены. Во дворъ внесли кучера ген. Исакова; онъ имѣлъ двѣ раны въ животъ, истекалъ кровью и кричалъ: „Бѣдный баринъ погибъ!“ Онъ испустилъ духъ у меня на рукахъ; это былъ первый убитый на моихъ глазахъ; ужасное зрѣлище заставило меня содрогнуться; оно могло случиться и со мною; я вспомнилъ объ матери. Она ожидала меня въ Петербургѣ; отецъ только-что просилъ великаго князя уволить меня для свиданія съ ними передъ моимъ отправленіемъ въ походъ, въ Бельгію. Великій князь отвѣтилъ ему наканунѣ, что это немыслимо, но я этого не зналъ и мечталъ уѣхать во вторникъ или въ среду. Ген. Кривцовъ поручилъ мнѣ разузнать, каковы были намѣренія дежурнаго офицера.

Въ караулѣ стоялъ 4-й линейный баталіонъ. Я подошелъ къ нему и прямо спросилъ, что онъ былъ намѣренъ сдѣлать, если бы на насъ напали: „Защищаться до послѣдней капли крови“, отвѣчалъ онъ.—Но ваши солдаты? „Нашъ солдатъ—машина; они будутъ дѣлать то, что я прикажу, что я самъ сдѣлаю; я удвоилъ караулы у воротъ, потрудитесь вы, какъ русскій, приказать служителямъ помочь мнѣ завалить входы“.—Я исполнилъ его просьбу; рѣшетка была завалена камнями, къ главнымъ воротамъ подкатили фургонъ, и такимъ образомъ мы были въ осадномъ положеніи. Я поднялся къ себѣ, чтобы наскоро зарядить пистолеты; мнѣ не хватило пыжей, я попросилъ бумаги, и мнѣ подали послѣднее письмо отъ мамы. Еще разъ вспомнилъ я о моемъ бѣдномъ семействѣ и сошелъ во дворъ. Генераль Нессельроде только-что пришелъ пѣшкомъ; онъ не зналъ, что предпринять; я предложилъ ему свою лошадь; онъ отказался; тогда, простившись съ офицерами, я вскочилъ на лошадь и, обнявъ мою прислугу, пришпорилъ коня и направился къ Саксонской площади. (Я выѣхалъ, по ошибкѣ человѣка, не въ колетѣ, а въ дежурной формѣ). Тамъ я нашелъ ген. Семяновскаго и Турно съ гвардіей Бѣлаго Орла и 4 или 5 егерей изъ гвардейскаго пикета; они находились въ дозорѣ. Полковникъ Турно кажется встревоженнымъ, Семяновскій былъ печаленъ и молчаливъ; онъ пожалъ мнѣ руку въ первый и послѣдній разъ; когда же я освѣдомился у полковника о великомъ князѣ и о полкѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: Они въ Бельведерѣ. Я направился туда. Въ Мазовецкой улицѣ увидѣлъ многочисленныя группы народа, но все это большею частью любопытныя, бѣжавшіе на пожаръ, который вспыхнулъ близъ арсенала. Домовладѣльцы заперли ворота, но въ

толпѣ шныряло нѣсколько человѣкъ въ плащахъ, съ шляпой надвинутой на глаза, а изъ-подъ плащей ихъ торчали пистолеты, сабли и кинжалы. Мое первое смущеніе смѣнилось теперь чувствомъ злобы противъ этого измѣнническаго города и во мнѣ проснулась вновь вся прежняя ненависть къ полякамъ, загложшая было во время шестилѣтняго пребыванія въ ихъ средѣ.

Я желалъ встрѣтить на пути какое-нибудь препятствіе, чтобы пустить пулю въ лобъ какого-нибудь поляка. Близъ каплички младенца Іисуса мнѣ повстрѣчалась группа въ четыре или пять человѣкъ; одинъ изъ нихъ закричалъ мнѣ *Stoi* (Стой).

— Я имѣлъ глупость остановиться. *Do kont Pan iedzisz?* (Куда вы ѣдете) *Do polko gwardye kirassirow*.—(Въ гвардейскій кирассирскій полкъ). И я продолжалъ свой путь, заинтересованный тѣмъ, чего хотѣли отъ меня эти люди и что означалъ ихъ вопросъ. При вѣздѣ на Александровскую площадь, я увидѣлъ егерей конной гвардіи, занимавшихъ аванпосты; меня провели къ генералу Курнатовскому, который съ двумя эскадронами этого храбраго и вѣрнаго полка занималъ проходы въ аллеи. Возлѣ него я увидѣлъ бѣднаго Грессера, которому уже успѣли разорвать рукавъ штыкомъ. Въ этой части города все было мрачно и на военной ногѣ; нѣсколько ротъ пѣшихъ егерей, оставшихся вѣрными, занимали площадки. Великій князь верхомъ, окутанный въ плащъ, то развѣзжалъ по большой дорогѣ, то останавливался поговорить съ генераломъ Рожнепкимъ, который повидимому былъ очень непокоенъ. Я нашелъ полкъ между деревней Саутъ и главной аллеей. Второй эскадронъ стоялъ противъ Бельведерскаго двора. Мы сошли съ лошади и каждый разсказалъ въ свою очередь и объ опасностяхъ, которымъ подвергался, и тѣ новости, какія успѣлъ узнать. Извѣстія быстро смѣнялись одни другими; великій князь постоянно разсылалъ во всѣ стороны своихъ адъютантовъ, и надобно отдать имъ справедливость въ томъ, что, исполняя возложенныя на нихъ порученія, они храбро преодолевали тысячи опасностей. Грессеръ былъ изрубленъ и взятъ въ плѣнъ близъ госпиталя, Гогель — раненъ въ руку около казармъ Волинскаго полка, а прочіе спаслись какимъ-то чудомъ, такъ какъ имъ не разъ приходилось проѣзжать среди мятежниковъ. Молодой Рихтеръ не хотѣлъ даже снять своего бѣлаго султана. Такъ прошла ночь. Тутъ-то я узналъ, какимъ образомъ начался этотъ страшный мятежъ. Впослѣдствіи я имѣлъ честь слышать этотъ разсказъ отъ самого великаго князя, но я помѣщаю его здѣсь.

Великій князь по своему обыкновенію легъ въ 5½ часовъ, приказавъ разбудить себя въ 7½, когда пріѣдутъ ген. Жандръ и вице-президентъ Любовицкій для вечернихъ занятій. Они были уже

во дворѣ и ожидали его пробужденія въ камердинерской, когда вниманіе ихъ было обращено шумомъ, поднявшимся во дворѣ Бельведера. Они увидѣли, что къ подъѣзду бѣжала толпа людей въ длинныхъ плащахъ, вооруженныхъ ружьями и штыками. Жандръ кинулся къ стеклянной двери на лѣстницѣ, чтобы запереть ее: тутъ онъ былъ раненъ въ первый разъ; возвратясь въ камердинерскую и спускаясь по маленькой пѣтаенной лѣстницѣ великой княгини, онъ направился къ конюшнямъ; но, преслѣдуемый четырьмя убійцами, получилъ нѣсколько ранъ и палъ мертвый у дверей большого сарая. Фрицъ, дежурный камердинеръ, разбудилъ великаго князя словами: Ваше Высочество! бунтъ! Великій князь тотчасъ схватился за ружье, чтобы дорого продать свою жизнь; но камердинеръ увлекъ его черезъ бібліотеку и комнату в. князя Михаила на чердакъ, откуда, въ случаѣ надобности, они могли бы спуститься по маленькой лѣстницѣ въ боковой дворъ. Между тѣмъ убійцы, разломавъ стеклянную дверь, ворвались въ камердинерскую. Любовицкій хотѣлъ защищать дверь въ кабинетъ великаго князя, но получилъ 14 ударовъ штыкомъ; три камердинера Фельдманъ, Курочкинъ и Сылтуновъ имѣли ту же участь. Увѣряютъ, что мятежники проникли въ кабинетъ и, не найдя тамъ в. князя, считали себя спасенными и поспѣшили выйти. Выходя изъ подъѣзда, одинъ изъ этихъ господъ выстрѣлилъ изъ ружья; вѣроятно, это былъ условный сигналъ. Въ ту же минуту Podchoragi (пѣхотные юнкера), помѣщавшіеся въ Лазенкахъ, въ флигелѣ королевскихъ кухонъ, напали на гвардейскій эскадронъ улановъ, стоявшій въ караулѣ. Они явились въ конюшню, перебили фонари, убили нѣсколько человѣкъ и лошадей, но отбитые съ урономъ потеряли одного изъ своихъ, убитаго собственноручно дежурнымъ офицеромъ, г. Саваневскимъ. Въ это время въ казармахъ трехъ кавалерійскихъ полковъ гвардіи раздался призывъ сѣдлать лошадей. 4-й эскадронъ былъ готовъ первый и галопомъ примчался въ Бельведеръ. Юнкера хотѣли остановить нашъ 1 эскадронъ, слѣдовавшій за нимъ, и начали стрѣлять по немъ изъ-за деревьевъ; но или они худо цѣлились или не имѣли достаточно пуль. Имъ удалось ранить только одного человѣка, а другого задѣли по плечу (Попова 4-го взвода). Капитанъ Лѣсниковъ, дежурный по полку, находился при эскадронѣ; онъ командовалъ во фронтъ, и все утихло. Тогда эти господа отправились по новой дорогѣ въ городъ, гдѣ присоединились къ прочимъ мятежникамъ. Пожаръ, всыхнувшій возлѣ арсенала, привлекалъ толпы народа, а студенты и другіе гражданскіе участники заговора старались взволновать его возгласами: *do broni Polacy!* москали убиваютъ поляковъ! Одинъ бата-

ліонъ четвертаго полка, не бывшій въ караулѣ, и нѣсколько гренадерскихъ ротъ ворвались въ арсеналъ и, выбрасывая оружіе въ окно, предлагали народу воспользоваться имъ. Волинскій полкъ, подъ командою полковника Оwandера съ 4 пушками учебной артиллеріи, бывшими въ его казармахъ, двинулся на защиту этого пункта, столь важнаго по числу заключавшагося въ немъ всевозможнаго оружія (тамъ было около 80.000 ружей). Но было уже поздно. Непріятель былъ силенъ; *Наливки* (Naliwki) и баталіонъ саперовъ выходилъ изъ казармъ въ тылу нашей колонны, которая могла такимъ образомъ очутиться между двухъ огней и поэтому была принуждена возвратиться въ казармы, а затѣмъ присоединилась на парадномъ плацу къ Литовскому полку и къ 10 гренадерскимъ ротамъ, оставшимся вѣрными. Тутъ они получили отъ великаго князя приказаніе находиться въ оборонительномъ положеніи и прибѣгнуть къ силѣ лишь въ томъ случаѣ, когда сами поляки напали бы на нихъ.

Почти весь городъ былъ въ рукахъ мятежниковъ. Биржа и банкъ были заняты возмущившимися гренадерскими ротами и свободными гренадерскими баталіонами, которыхъ удерживалъ нѣкоторое время своимъ присутствіемъ ген. Стасъ Потоцкій; но когда послѣдній былъ смертельно раненъ, то гренадеры окончательно возмутились. Они убили полковника Сасса, котораго в. князь послалъ узнать о положеніи дѣла. Фурно и Семянтовскій съ горстью солдатъ защищали Саксонскую площадь. Въ этомъ пунктѣ бунтовщики высказали желаніе войти въ переговоры. Генераль Семянтовскій выступилъ впередъ, но тотчасъ былъ пораженъ пулей и мертвый упалъ съ лошади. Подпрапорщики встрѣтили на пути ген. Трембицкаго и предложили ему стать во главѣ ихъ; онъ отказалъ; они протаскивали его съ угрозами до арсенала, гдѣ онъ наконецъ погибъ жертвою своей вѣрности. Военный министръ, ген. Гаукъ также имѣлъ несчастіе встрѣтить этихъ изверговъ; они вытащили его изъ кареты и безчеловѣчно убили противъ дворца намѣстника. Русскіе генералы: Исаковъ, Энгельманъ, ген.-лейтенантъ Рихтеръ, адъютанты Е. В.: Бутурлинъ, Грессеръ 1-й были взяты въ плѣнъ; послѣдній, упавъ раненый съ лошади, терпѣлъ всевозможныя оскорбленія со стороны черни, какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти и былъ перенесенъ въ караульную арсенала, гдѣ онъ два дня лежалъ безъ перевязки. Генераль Новицкій, полякъ, ѣхалъ въ государственный совѣтъ. Группа разъяренныхъ бунтовщиковъ остановила его: „Кто ѣдетъ?“ — „Генераль Новицкій“, отвѣчалъ онъ. Толпѣ послышалось Левицкій, и онъ былъ безжалостно убитъ. Ген. Блумеръ, полякъ, также былъ убитъ близъ арсенала. Необуз-

данные солдаты и чернь, какую можно встрѣтить только въ Варшавѣ, опьяненная кровью и виномъ, предаются всевозможнымъ безчинствамъ. Вслѣдствіе разграбленія арсенала толпа вооружена саблями, ружьями и т. п. Всюду водружаютъ бѣлую кокарду, несмотря на старанія нѣсколькихъ французовъ, каковы Жиранъ или Жираръ. Нѣкто Жирардо, хирургъ, состоящій при графѣ Красинскомъ, очень желалъ, чтобы было поднято трехцвѣтное знамя. Такъ ужасно прошла ночь съ 17 на 18 число. Мы провели ее, какъ я уже сказалъ, около Бельведера.

Вторникъ, 18/30 ноября.

Въ 4 часа утра я отправился въ Бельведеръ за знаменами нашего полка. Печальное, тяжелое зрѣлище представлялъ этотъ дворецъ. Въ сѣняхъ разбитыя окна, на лѣстницѣ кровь, въ камердинерской ею былъ залитъ весь полъ и стѣны; въ комнатахъ царствовалъ полнѣйшій беспорядокъ, всюду укладывали, уносили вещи, какъ на пожарѣ, и точно такъ же, какъ во время пожара, укладывались пустяки, а нужное забывалось; поэтому случилось, что великому князю и великой княжнѣ въ дорогѣ не хватило бѣлья. Во дворѣ стояли запряженные экипажи; я замѣтилъ между ними карету прусскаго генеральнаго консула, г. Шмидта. Онъ явился, по его словамъ, за приказаніями Его Высочества, но я полагаю, что онъ скорѣе искалъ убѣжища отъ черни. Въ комнатѣ дежурнаго адъютанта (деж. былъ Трембицкій) были раненые; вице-президентъ Любовицкій и нашъ поручикъ Дерфельденъ 1, раненый въ бедро. Каждую минуту ожидали, что первый изъ нихъ скончается; рана второго считалась легкою. На другой день оба были перенесены въ госпиталь Уяздова (Ouiasdoff); Любовицкій выздоровѣлъ черезъ три недѣли, а Дерфельденъ умеръ черезъ мѣсяцъ.

Въ 10 часовъ великій князь получилъ извѣстіе, что мятежники двигались черезъ Новый Свѣтъ и повидимому намѣревались напасть на насъ. Въ мигъ всѣ были на лошадяхъ; генераль Кнорингъ, полагая, какъ и всѣ, что настала часъ дѣйствовать, обратился къ солдатамъ съ маленькой рѣчью. Всѣ обнажили сабли, подтянули стремяна, — но пришлось отступить. „По три направо кругомъ!“ скомандовалъ великій князь, и мы вышли изъ Варшавы послѣ 17-ти лѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ. Съ этой минуты великій князь потерялъ надежду возвратиться въ Варшаву, иначе какъ по слѣдамъ русской арміи. „Прощай, Варшава!“ Brzese протягиваетъ намъ руки. Съ этихъ же поръ онъ хотѣлъ возложить всю вину на поляковъ и избѣгать столкновенія съ ними русскихъ войскъ. Наши аванпосты, расположенные возлѣ церкви Св. Але-

ксандра, были заняты польскими отрядами, оставшимися вѣрными, именно нѣсколькими ротами пѣшихъ линейныхъ егерей и храбрымъ и вѣрнымъ полкомъ конныхъ егерей гвардіи. „Я хочу“, говорилъ в. к., „чтобы это была не національная, а гражданская война“. Наша пѣхота, все еще стоявшая на парадномъ плацу, получила приказаніе, также какъ пѣшая артиллерія, находившаяся въ Гура, и конная артиллерія, бывшая въ Скерневицахъ, присоединиться къ намъ въ Мокотовской равнинѣ, гдѣ мы расположились бивуакомъ. Княгиня Ловичъ и нѣсколько русскихъ дамъ, выѣхавшихъ изъ Варшавы, а также главная квартира находились въ Виржбѣ, помѣстьѣ г. Миттона, на шоссе. Это былъ мой первый бивакъ, на которомъ я могъ предвкусить всѣ ужасы войны. Солдаты грабили окрестные дома и деревни, разносили сараи и крыши. Хорошенькая дача г-жи Ванзовичъ была разграблена въ четверть часа: словомъ, солдаты, до крайности раздраженные голодомъ и лишеніями, которыя имъ приходилось переносить, предались съ такимъ неистовствомъ мародерству и грабежу, что пришлось употреблять строгія мѣры: двухъ или трехъ солдатъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, схватили, предали суду, приговорили къ смерти и повели на мѣсто казни, но тутъ они были помилованы в. княземъ. Въ то же время въ городѣ совершались не менѣе ужасныя вещи. Предводители мятежа, желая привлечь на свою сторону народъ, предоставили ему на разграбленіе русскій военный комиссаріатъ, гдѣ находилось въ то время денегъ на нѣсколько милліоновъ; все было ограблено; вечеромъ и въ послѣдующіе дни сторублевая бумажки продавались по дукату и еще менѣе. Понизилась даже цѣнность серебрянаго рубля. Въ другомъ кварталѣ грабили домъ коменданта Левицкаго: все, что негодяи не могли унести, было сломано или сожжено; бѣдная М-ме Левицкая съ ея четырьмя дочерьми и сыномъ спаслись какимъ-то чудомъ, перелѣзши черезъ стѣну. Нѣсколько лавокъ и кабаковъ были взяты со взломомъ; многія жены русскихъ офицеровъ, которыя не могли послѣдовать за своими мужьями, ограблены и оскорблены.

Богъ знаетъ, до чего дошли бы эти безчинства, и чего бы не сдѣлала эта необузданная чернь, если бы ген. Хлопицкій, взявшій командованіе войсками, не успѣлъ своею твердостью возстановить порядокъ, или, лучше сказать, не объединилъ бы безпорядокъ. Въ ночь съ 20—21 нояб. къ намъ присоединились Литовскій и Волынскій полкъ, нѣсколько вѣрныхъ ротъ польскихъ гренадеръ, русскій учебный баталіонъ, стоявшій въ Влони, пѣшая и конная артиллерія; они стояли лагеремъ возлѣ насъ всю среду и четвергъ.

Среда 19 нояб.—1 дек. Четвергъ 20 нояб.—2 дек.

Мы ожидали извѣстій изнутри Россіи. Было извѣстно, что мятежники разослали всѣмъ полкамъ приказанія идти въ Варшаву, но великій князь повидимому надѣялся еще, что они не перейдутъ на сторону виновныхъ, и что съ ихъ помощью можно будетъ наказать бунтовщиковъ. Однако извѣстія, доходившія изъ города, были не утѣшительны; ихъ сообщали намъ плѣнные, бѣглые и адъютантъ Замойскій, который съ этой минуты измѣнилъ русскимъ и одинъ только могъ расхаживать по улицамъ. Правительственный совѣтъ, подчиненный вполнѣ вліянію кн. Любецкаго, дѣйствовалъ нерѣшительно, или подъ вліяніемъ страха или отъ желанія измѣнить намъ; въ составъ его были приняты лица, фигурировавшія всегда въ рядахъ оппозиціи и поэтому любимцы студентовъ и молодежи. Наконецъ, въ ночь на 21 число, генераль Шембекъ прибылъ въ Волю, во главѣ 1-го и 3-го бат. пѣхотныхъ егерей. Мы надѣялись, что они присоединятся къ намъ; 1-й егерскій полкъ, шефомъ котораго со времени организаціи польской арміи былъ Императоръ Николай, пользовался постоянно его особенной милостію: самъ ген. Шембекъ былъ адъютантомъ Е. В. и теперь еще состоялъ въ свитѣ. Великій князь посылалъ къ нему адъютанта за адъютантомъ, приглашая его присоединиться къ намъ. Онъ увѣрилъ Е. В. въ своей преданности и въ вѣрности своей бригады, далъ честное слово, что пришелъ съ намѣреніемъ образумить поляковъ и двинулся сопровождаемый благословеніями. Нѣсколько минутъ спустя онъ вступалъ церемоніальнымъ маршемъ въ Варшаву, и такъ какъ онъ первый изъ провинціальныхъ военачальниковъ присоединился къ мятежникамъ, то, разумѣется, былъ героемъ дня, идоломъ въ глазахъ черни.

Пятница 21 нояб.—3 дек.

Эта неожиданная измѣна разрушила всѣ планы, всѣ надежды великаго князя. Гренадеры, съ самаго начала высказавшіе намѣреніе не поднимать оружія противъ согражданъ, начинали теперь проявлять желаніе присоединиться къ нимъ. Роты пѣшихъ егерей также были въ нерѣшительности. Одни конные егеря выказывали слѣдую, безграничную преданность. Наше положеніе съ каждой минутой становилось болѣе критическимъ; примѣру Шембека могла послѣдовать вся армія; польскіе полки, стоявшія въ Мазовецкомъ и Краковскомъ воеводствахъ, могли напасть на насъ съ тыла, между тѣмъ какъ впереди находился весь гарнизонъ Варшавы, поддерживаемый возбужденнымъ населеніемъ, имѣвшимъ въ распоряженіи 8.000 ружей, найденныхъ въ арсеналѣ. Въ Вижбо, гдѣ нахо-

дился великій князь, прибыла депутація временнаго правительства. Я не знаю подробностей ихъ свиданія, но результатомъ его было родъ перемирія. Съ одной стороны, великій князь отослалъ въ Варшаву плѣнныхъ, заключенныхъ въ послѣдніе дни, и войска, оставшіяся вѣрными; съ другой, генераль Хлопицкій, исполнявшій роль диктатора, хотя официально и не носилъ еще этого титула, обѣщаль снабдить насъ всѣмъ необходимымъ и обезпечить намъ свободное отступленіе до русской границы. Польскія газеты прибавили впослѣдствіи, будто великій князь обѣщаль склонить Императора возвратить Польшѣ провинціи, присоединенныя къ Россіи по 3-му раздѣлу. Тогда обвиняли и до сихъ поръ обвиняютъ еще великаго князя въ томъ, что, заключивъ этотъ родъ трактата, онъ тѣмъ самымъ поощрилъ мятежниковъ. Послѣдній пунктъ, безъ сомнѣнія, не болѣе какъ выдумка; что же касается остальныхъ, то мы не могли предпринять ничего иного. Благопріятная минута прошла; теперь не было возможности напасть на бунтующій городъ; это шло бы лишь къ потерѣ семитысячнаго корпуса. Въ особенности было важно сохранить и обезпечить личность великаго князя.

Въ 11 часовъ утра мы начали отступленіе. Прощанье съ конными егерями были раздирающее. Насъ оставили всѣ поляки, состоявшіе при главной квартирѣ. Ген. Красинскій и Курнатовскій заливались слезами; они считали, что идутъ на смерть. При великомъ князѣ остался одинъ только ген. Рожненкій, котораго поляки слишкомъ ненавидѣли, чтобы онъ могъ надѣяться по возвращеніи въ городъ избѣжать ихъ мести; изъ адъютантовъ остались полковникъ Фурно, разыгрывавшій еще роль человѣка преданнаго, и капитанъ Трембицкій, опасавшійся раздѣлить участь брата. Ген. Мале, или Малетоки, также сопровождалъ насъ почти до Гуро; но онъ имѣлъ при этомъ въ виду найти только удобную минуту, чтобы, подобно ген. Бонтемо, попасться въ руки поляковъ; это былъ ловкій маневръ перейти на сторону непріятели. Въ рядахъ войска вѣрность правительству высказалась также разсчетливо. Одинъ офицеръ 4-го линейнаго полка, стоявшій въ караулѣ на Саксонской площади, также не хотѣлъ со своими солдатами оставить насъ. Его опредѣлили въ Митавскій полкъ; во время похода онъ получилъ Владимірскій крестъ и былъ убитъ при штурмѣ Варшавы.

Мы направились къ Гурѣ, гдѣ надѣялись переправиться черезъ Вислу. Ничто не могло быть печальнѣе нашего движенія. Мы были принуждены тащить за собою цѣлую вереницу экипажей, наполненныхъ женщинами, стариками, дѣтьми, которымъ удалось спастись; одни оплакивали потерю своего имущества, другіе смерть родныхъ,

и всѣ, не имѣя лишней одежды, страдали отъ холода. Офицеры и солдаты, плохо одѣтые, впроголодь, также оставили въ Варшавѣ свое имущество, надежды и счастье. Всѣ вздыхали по Литвѣ, но приходилось еще прежде переправиться черезъ Вислу, а Богъ одинъ знаетъ, допустить ли это поляки. Все это до того омрачало картину, что нашъ походъ напоминалъ скорѣе погребальное шествіе. За войскомъ въ безпорядкѣ тянулись длинныя вереницы каретъ, колясокъ, бричекъ, дрожекъ, телѣгъ и т. д., полныхъ женщинъ и дѣтей; солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ, и покинувъ все свое имущество въ Варшавѣ, движимые голодомъ и отчаяніемъ, неистово предались мародерству. Никогда не забыть мнѣ нашъ бивакъ на улицахъ Гуры; мы прибыли туда довольно поздно вечеромъ; улицы были уже полны народа, и войско съ трудомъ могло двигаться въ толпѣ. Гостиницы, частные дома, хижины—все наполнилось голоднымъ людомъ, который требовалъ за свои деньги поѣсть подобно тому, какъ разбойникъ требуетъ жизнь или кошелькъ. Тутъ посылаютъ за соломой и сѣномъ, тамъ ломаютъ заборъ на дрова, сто командъ съ разныхъ полковъ мечутся во всѣ стороны за разными потребями; темнота ночи не позволяетъ офицерамъ смотрѣть за солдатами. Со всѣхъ сторонъ слышны крики грабимыхъ жителей и визгъ издыхающихъ животныхъ. Наконецъ запылали костры, заварили кашу, и мародеры начали стекаться къ своимъ мѣстамъ, отягощенные разной добычей. По неосторожности, другіе говорятъ—по злоумышленію загорѣлся какой-то домъ и освѣтилъ сію ужасную картину бѣдствій войны. Для меня, не имѣвшаго понятія о войнѣ, это было хорошей дебютъ. Я прочувствовалъ вполне всѣ ея ужасы тѣмъ болѣе, что самъ былъ одною изъ жертвъ. Не имѣя при себѣ ни одного денщика, въ одномъ мундирѣ и полуобгорѣломъ плащѣ, я вѣроятно умеръ бы вмѣстѣ съ моей бѣдной лошадейю отъ холода и голода, если бы меня не спасли своими заботами и своею дружбою храбрые солдаты моего 4-го взвода. Во время этого отступленія они были для меня слугами, поварами, конюхами и друзьями. Они отплатили мнѣ съ лихвой мои попеченія о нихъ въ Варшавѣ. Я также много обязанъ Константину Ивановичу Килю, который мнѣ былъ отцомъ и благодѣтелемъ. Ни я, ни мои дѣти никогда не должны забывать его.

Суббота, 22 нояб.—4 дек.

Мы оставили Гуру на разсвѣтѣ, все еще въ полной увѣренности, что поляки преслѣдуютъ насъ.

На одной почтовой станціи задержали дилижансъ, ѣхавшій съ юга. Кажется, при немъ нашли около 2.000.000 флориновъ и между

прочимъ много банковыхъ облигацій: такъ какъ распространился слухъ, что нашъ корпусъ нуждался въ деньгахъ, то Е. Высочество велѣлъ забрать всю звонкую монету. Можетъ быть, это былъ только одинъ слухъ; я не подтверждаю его достовѣрность.

Неурядица все та же, но къ счастію становится темнѣе, что значительно облегчаетъ намъ движеніе. Подъ вечеръ мы прибыли къ мѣстечку Режиwла; тутъ намъ не позволили даже расположиться, и мы устроили бивакъ за городомъ.

Опять повторились тѣ же сцены грабежа и разоренія. Мы рѣшительно направились на Пулавы, намѣреваясь въ этомъ пунктѣ переправиться черезъ Вислу. Неизвѣстно, дозволить ли намъ исполнить это рота конной артиллеріи, стоящая въ этомъ мѣстечкѣ.

Воскресенье, 23 нояб.— 5 дек.

Сегодняшній переходъ довольно легкій. Главная квартира находится въ Цециковѣ. Нашъ полкъ стоитъ въ окрестностяхъ Кошеницы. 4-й взводъ занимаетъ несчастную деревеньку Вулна Тежинска. Я первый разъ нахожусь одинъ на квартирахъ съ моими храбрыми солдатами. Это одиночество тяжело дѣйствуетъ на меня, заботы солдатъ о моемъ обѣдѣ оживляютъ меня.

Меня занимаетъ новость моего положенія. Я былъ бы почти доволенъ своею судьбой, если бы зналъ что-нибудь положительное о нашемъ возвращеніи въ Россію. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Здѣсь я узналъ въ первый разъ, что въ Польшѣ есть крестьяне, которые никогда не ѣдятъ хлѣба. Какая бѣдность!

Понедѣльникъ, 24 нояб.— 6 дек.

Мы выступили рано утромъ; дорога хороша; погода очень теплая, мы шли легко и весело. Великая княгиня опередила насъ съ уланскимъ полкомъ и 4 пушками. Она была уже въ Гура Пулавска, напротивъ Пулавы, гдѣ должна была совершиться переправа. Мы подходили къ маленькому городку, гдѣ должны были переночевать, какъ вдругъ Виндингероде, одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, бывшій въ аріергардѣ, прискакалъ во весь опоръ съ извѣстіемъ, что поляки атаквали насъ, ген. Пенхержевскій раненъ и взятъ въ плѣнъ, и одинъ эскадронъ разбитъ на голову. Всѣ ужаснулись при этомъ страшномъ извѣстіи. Надобно было побѣдить или умереть. Великой княгинѣ послали сказать, чтобы она вернулась. Его Высочество поскакалъ въ аріергардъ, а мы поспѣшили занять позицію передъ Гневажевымъ. Минута была ужасная, тутъ шелъ вопросъ о жизни; тутъ я увидѣлъ, какъ на войнѣ дурныя извѣстія передаются быстро, и какъ въ то же время каждый увеличиваетъ ихъ по своему усмотрѣнію.

Не прошло четверти часа, какъ уже рассказывали, какъ достойный фактъ, что на насъ готовилась напасть цѣлая дивизія конныхъ егерей. Между тѣмъ весь этотъ переполохъ былъ не болѣе, какъ слѣдствіе паническаго страха. Ген. Пенхержевскій, отправляя свою жену въ Варшаву, замѣшкался на ночлегѣ. Въ то время, какъ онъ прощался съ супругой, прибыли два эскадрона конныхъ егерей, конвоировавшіе насъ съ самой Варшавы. Офицеры окружили его, даже солдаты этого храбраго полка казались счастливы повидать его. Между тѣмъ слугою его овладѣлъ страхъ; онъ побѣждалъ къ нашему арьергарду съ извѣстіемъ, что его баринъ взятъ въ плѣнъ, и отсюда весь переполохъ. Мы провели ночь въ городкѣ Тулвашева Граница. Это два мѣстечка, соединенныя вмѣстѣ, но они не стоятъ однако порядочнаго.

Вторникъ, 25 нояб.—7 дек.

Мы оставили мѣсто стоянки на зарѣ; погода была пасмурная, сырая; этотъ день долженъ былъ рѣшить для насъ вопросъ о существованіи, гамлетовскій—быть или не быть. Сердце у меня сильно билось, подходя къ желанной переправѣ.

Наконецъ мы достигли берега Вислы; три жалкихъ парома были къ нашимъ услугамъ; мы медленно принялись за дѣло; я горѣлъ вѣтерпѣніемъ; по ту сторону ожидала насъ родина и честь, здѣсь мы имѣли въ перспективѣ Кавдинское ущелье.

Въ ту минуту, когда мы были на срединѣ рѣки, солнце выглянуло изъ за-тучъ, туманъ разсѣлся, и мы пристали къ правому, столь желанному берегу Вислы въ самую восхитительную погоду. Разумѣется, поляки оказали намъ большую услугу, давъ намъ спокойно переправиться черезъ Вислу; одной артиллеріи, стоявшей въ Пулавѣ, было достаточно, чтобы остановить насъ. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы продолжать наше тяжелое отступленіе на Краковъ, силою оружія проникнуть въ этотъ городъ, который, конечно, не принялъ бы добровольно; нарушивъ такимъ образомъ нейтралитетъ этой мнимой республики, намъ пришлось бы наконецъ просить у Австріи разрѣшенія пройти въ Россію черезъ Галицію.

Какая прекрасная тема для французскихъ журналистовъ! Не считая еще, что въ силу договоровъ мы не могли бы пройти по австрійскимъ владѣніямъ иначе, какъ сложивъ оружіе, что не было бы особенно почетно для русской императорской гвардіи. Это благодѣяніе было однимъ изъ послѣдствій страннаго образа дѣйствій Хлопицкаго, которымъ онъ хотѣлъ или усыпить Россію или обмануть поляковъ. Словомъ, результатомъ этого была наша переправа,

между тѣмъ какъ батарея Вейсплокъ, занимавшая Пулаву, очистила его и направилась въ Варшаву, а мы, размѣстившись на хорошихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Конскіо Вола, остановились на дневной отдыхъ. Я былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ у добраго слѣпого нѣмца, и первый разъ по прошествіи 8 дней могъ выбриться, вымыться и раздѣться. Одежда моя была въ лохмотьяхъ. Кап. Киль одолжилъ мнѣ одну изъ своихъ трехъ рубашекъ; одинъ изъ моихъ кирасиръ, по фамиліи Голынскій, далъ мнѣ свои брюки, и благодаря 5 д. (?), которыми в. князь приказалъ ссудить всѣхъ офицеровъ, я могъ купить себѣ пару носокъ и сапоги.

Вел. князь провелъ этотъ день въ Гура Пулавская, онъ отправился верхомъ, въ сопровожденіи одного только адъютанта, къ старой княгинѣ Чарторыйской, матери кн. Адама и къ г-жѣ Замойской, жившимъ въ Пулавѣ.

